

194
192
835
489
510
802-11
277

№ 1. МАРТЪ 1844.

A 139
36

СЫНЪ

XV 438

ОТЕЧЕСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Достопамятныя событія въ отечествѣ. — Обзоръ заграничныхъ извѣстій съ 1 января по 1 марта. *Русская Словесность.* Вопросы сердца, соч. К. М. — Киккупа, повесть, соч. Н. Кукольника. — *Иностранная Словесность.* Лекція Философин, комедія. *Русская Исторія.* Воспоминанія о Графѣ Сперанскомъ, соч. К. Масляскаго. *Критика.* Вступленіе. — Описание крушенія корабля Ингерманланда, соч. А. Гоголова. — Земледѣліе въ Китаѣ, соч. Іакима Бичурина. — *Смѣсь.* Дамаскъ и его торговля. — Алжирская степь. — Ловля китовъ. — Счастливая Аравія. — Африканскіе колдуны. — Жертвоприношеніе людей у древнихъ Мексиканцевъ. — Парижскіе театры. — Библиографическія извѣстія.

При этомъ номерѣ приложены 1.) два портрета Графа М. М. Сперанскаго, изображающіе его въ молодости и въ старости; и 2.) снимокъ съ его подлинн. Первый изъ этихъ портретовъ снятъ съ медальона, рисованнаго въ 1803 году; другой — съ извѣстнаго портрета, писаннаго Довомъ и награвированнаго.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

А 139
36
802-86
5359-4
235
64

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Журналъ

Выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цена, серебромъ, за годъ 14 руб. 50 коп., за полгода—8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полгода, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургъ на Невскомъ-Проспектѣ, въ домъ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домъ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію С. П. Бурскаго Почтамта.

ПОЛИТИКИ, ИСТОРИИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

ГОДЪ ТРИЦАТЬ-ВТОРОЙ.

№ 1. МАРТЪ 1844.

По случаю недавняго полученія перваго запаса рисунковъ, о которыхъ требованіе было послано въ Парижъ еще въ половинѣ Ноября прошлаго года, изданіе *Сына Отечества* за текущій 1844 годъ начинается съ 1 сего Марта и продолжится до 1 Марта будущаго 1845 года. При каждомъ номерѣ журнала прилагаются портреты, рисунки, ноты, снимки съ почерковъ и проч. Эти приложения будутъ печататься на лучшей бумагѣ, со всевозможною тщательностію, для чего редакціею приняты особыя мѣры.

СОДЕРЖАНІЕ. *Современная Исторія и Политика.* Достопамятныя событія въ отечествѣ. — Обзоръ заграничныхъ извѣстій съ 1 Января по 1 марта. *Русская Словесность.* Вопросы сердца, соч. К. М. — Кликуша, повѣсть, соч. Н. КУКОЛЬНИКА. — *Иностранная Словесность.* Лекція Философін, Комедія. *Науки и Художества.* Воспоминанія о Графѣ Сперанскомъ. Критика. Вступленіе. — Описание крушенія корабля Ингерман-лада, соч. А. ГОВОРОВА. — Земледѣліе въ Китаѣ, соч. ИАКИНФА ВИЧУРИНА. — Смысь. Дамаскъ и его торговля. — Ажирская степь. — Ловля китовъ. — Счастливая Аравія. — Африканскіе колдуны. — Жертвоприношеніе людей у древнихъ Мексиканцевъ. — Парижскіе театры. — Библиографическія извѣстія.

При этомъ номерѣ приложены 1.) два портрета Графа М. М. Сперанскаго, изображающіе его въ молодости и въ старости; и 2.) снимокъ съ его подписи. Первый изъ этихъ портретовъ снятъ съ медальона, рисованнаго въ 1803 году; другой — съ известнаго портрета, писаннаго Довомъ и награвированнаго.

дворномъ Соборѣ Зимняго Дворца, согласно Высочайше утвержденнымъ церемоніаламъ, бракосочетаніе Ея Императорскаго Высочества, Государыни Великой Княжны Александры Николаевны, съ Ею Свѣтлостію Принцемъ Фридрихомъ Гессенскимъ, и Ея Императорскаго Высочества, Государыни Великой Княжны Елисаветы Михайловны, съ Ею Свѣтлостію Владѣтельнымъ Герцогомъ Адольфомъ Нассаускимъ.

Высочайшимъ приказомъ отъ 28 Января, Командиръ Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса, Ею Императорское Высочество Великій Князь Михайлъ Павловичъ, назначенъ Главнокомандующимъ Отдѣльныхъ Корпусовъ Гвардейскаго и Гренадерскаго, съ сохраненіемъ прочихъ званій и должностей.

ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЗВѢСТІЙ, СЪ 1 ЯНВАРЯ ПО 1 МАРТА.

Двадцать седьмаго Декабря, происходило въ Парижѣ открытіе Палаты. Въ десять часовъ утра, всѣ публичныя трибуны въ залѣ Палаты Депутатовъ были наполнены зрителями, въ числѣ которыхъ находилось множество дамъ. На мѣстѣ, гдѣ обыкновенно стоитъ бюро Президента, возвышался королевскій тронъ, убранный трофеями изъ знаменъ. По правую и по лѣвую сторону стояли позолоченныя табуреты, для сыновей Короля. У подножія трона устроены были мѣста для министровъ, для маршаловъ Франціи и

Современная Исторія

и Политика.

ОБЗОРЪ ВНУТРЕННИХЪ ИЗВѢСТІЙ.

ДОСТОПАМЯТНЫЯ СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

Высочайшимъ Приказомъ отъ 1-го Января, Ею Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесевичъ назначенъ Командующимъ всею Пѣхотою Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса.

16 и 19 числѣ Января сего года, совершено въ При-

№ 1.

для членов Государственного Совѣта и Академій. По правую сторону, на депутатскихъ скамьяхъ помѣстились Перы, а по лѣвую Депутаты. — Въ часть по полудни пушечные выстрѣлы возвѣстили, что Король выѣхалъ изъ Тюильри и отправился въ Палату. Не задолго передъ тѣмъ открылись двери королевской трибуны, въ которую вошли Королева, Герцогиня Орлеанская съ Графомъ Парижскимъ, Герцогиня Немурская, Принцесса Жуанвильская и Принцесса Клементина съ своимъ супругомъ. Въ десять минутъ втораго королевскій поѣздъ прибылъ къ зданію Палаты. У входа въ залъ Король былъ встреченъ депутатами Палаты Перовъ и Палаты Депутатовъ, въ главѣ которыхъ находились баронъ *Пакъс* и г. *Лафиттэ*. На Король былъ мундиръ Национальной Гвардіи. Онъ всходилъ на ступени трона не безъ усилий, которыхъ прежде никогда не замѣчали. Людовикъ Филиппъ съ прошлаго года замѣтно постарѣлъ, волосы его посѣдѣли, прежняя бодрость походка измѣнилась. Когда онъ взшелъ на тронъ, со всѣхъ сторонъ раздались громкія восклицанія: «Да здравствуетъ Король!» Людовикъ Филиппъ, положивъ правую руку на сердце, отвѣчалъ собранію троекратнымъ поклономъ. Послѣ того онъ накрылъ голову и сѣлъ на тронъ. Сыновья Короля, герцоги Немурскій и Монпансье заняли мѣста по правую сторону, а Принцъ Жуанвильскій, въ контръ-адмиральскомъ мундирѣ, сѣлъ по лѣвую сторону трона. Король прочиталъ слѣдующую рѣчь:

«Господа Перы! Господа Депутаты!»

«Счастливое согласіе между государственными властями и благородное содѣйствіе ваше моему правительству, принесли плоды свои. Посреди порядка, поддерживаемаго безъ особенныхъ усилий и подъ владычествомъ законовъ, Франція съ довѣренностію распространяетъ свою полезную дѣятельность. Положеніе всѣхъ классовъ гражданъ видимо улучшается. Слѣдствія этого преуспѣянія ставятъ насъ въ возможность нынѣ возстановить въ финансовыхъ законахъ, которые безъ замедленія будутъ вамъ представлены, справедливо-желаемое равновѣсіе между государственными издержками и доходами.

«Мы можемъ съ безопасностію наслаждаться этими благами мира, потому-что онъ никогда не былъ болѣе проченъ. Отношенія мои ко всѣмъ державамъ мирны и дружелюбны.

«Важныя событія совершились въ Испаніи и въ Греціи. Королева Изабелла II, призванная въ столь юныхъ лѣтахъ нести бремя правленія, составляетъ

въ настоящую минуту предметъ моей дружественной заботливости и живѣйшихъ моихъ попеченій. Я надѣюсь, что слѣдствіе этихъ событій будетъ благоприятно для обѣихъ націй, дружественныхъ Франціи, и что, какъ въ Греціи, такъ и въ Испаніи, взаимнымъ уваженіемъ правъ трона и общаго блага, монархія утвердится на прочномъ основаніи. Искренняя дружба, соединяющая меня съ Королевою Великобританіи и сердечное согласіе, господствующее между мной и Великобританскимъ правительствомъ, утверждаютъ меня въ этомъ убѣжденіи.

«Я заключилъ коммерческіе договоры съ Королемъ Сардинскимъ и съ республиками Экваторскою и Венесуелою, и продолжаю съ другими государствами въ равныхъ частяхъ свѣта переговоры, которые, содѣйствуя надлежащему обезпеченію національнаго труда, откроютъ новыя пути его благоразумной дѣятельности.

«Бракосочетаніемъ сына моего, Принца Жуанвильскаго, съ Принцессою Францискою, сестрою Императора Бразильскаго и Королевы Португальской, увеличился, къ моей радости, кругъ моего семейства. Этотъ союзъ, упрочивающій счастье моего сына, прибавляетъ еще одно утѣшеніе къ тѣмъ, которые Богъ мнѣ ниспосылаетъ.

«Владычество наше въ Алжирѣ скоро содѣлается общимъ и безопаснымъ. Подъ руководствомъ опытныхъ начальниковъ, въ числѣ которыхъ я съ гордостію считаю одного изъ сыновей моихъ, наши храбрые солдаты съ удивительнымъ постоянствомъ соединяютъ труды войны съ мирными занятіями.

«Вамъ представлены будутъ на разсмотрѣніе разныя мѣры, необходимыя для приведенія въ дѣйствіе общей системы желѣзныхъ дорогъ и другихъ предприятий, имѣющихъ цѣлю народную пользу. Проектъ закона о второстепенныхъ училищахъ исполнитъ обѣщаніе хартии, обезпечитъ и вліяніе правительства на общественное воспитаніе.

«Съ чувствомъ глубочайшей признательности къ Провидѣнію, выраю я на эти плоды честнаго мира, и на возрастающее благоденствіе нашего отечества. Всегда руководимыя вѣрностію и преданностію нашею къ Франціи, я и члены моего семейства никогда не имѣли иного честолюбія кромѣ искренняго желанія служить ей. Увѣренность въ исполненіи этого долга придавала мнѣ силы въ испытаніяхъ моей жизни и до конца дней останется мной утѣшеніемъ и моею твердѣйшею подпорою.»

Послѣдній параграфъ, написанный, какъ слышно,

М. Спичакки

самимъ Королемъ, Людовикъ Филиппъ прочелъ рас-
троганнымъ голосомъ, и послѣднія слова рѣчи бы-
ли заглушены восклицаніями: «Да здравствуетъ Ко-
роль!»

По окончаніи рѣчи, вновь избранные Депутаты
пронесли предписанную присягу, и Министръ Юсти-
ціи объявилъ, что собраніе Палаты открыто; вслѣдъ
за тѣмъ Король всталъ съ трона, обнажилъ голову
и три раза привѣтствовалъ собраніе, которое отвѣ-
чало громкими кликами: «Да здравствуетъ Король!»
Поѣздъ королевскій возвратился въ Тюильри преж-
нимъ порядкомъ. Къ нему присоединились еще эки-
пажи Королевы, герцогини Орлеанской и Принцессы.
Карета герцогини Орлеанской и придворнаго ея шта-
та были обиты трауромъ. Герцогиня рѣшилась всю
жизнь носить трауръ по своему супругу.

На другой день, происходили первыя засѣданія Па-
латы Перовъ и Палаты Депутатовъ. Въ первой при-
сутствовали Герцогъ Немурскій и Принцъ Жуанвилль-
скій, присягнувшій наканунѣ на званіе Пера. Онъ
помѣстился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ по-
койный Герцогъ Орлеанскій.

Въ Палатѣ Депутатовъ приступлено было къ вы-
бору Президента. Министерскій кандидатъ г. *Соге*,
избранъ въ это званіе большинствомъ голосовъ.

Въ слѣдующія засѣданія занимались выборомъ че-
тырехъ Вице-Президентовъ. Большинство голосовъ
было подано въ пользу гг. *Бишона*, *Дебелема*, *Ле-
пелльтье д'Оне* и *Сальванди*, которые и утверждены
въ этихъ должностяхъ.

Временный Президентъ г. *Лафиттъ*, оставляя прези-
дентскія кресла, обратился, по обыкновенію, съ рѣчью
къ Палатѣ. Онъ упрекнулъ правительство въ стремленіи
къ обратному движенію и въ меркантильности. Рѣчь его
неоднократно была прерываема изъясненіями неудо-
вольствія. Послѣ того г. *Соге* занялъ президентскія
кресла. Рѣчь его къ Палатѣ заслужила всеобщее
одобреніе. Онъ потребовалъ отъ Депутатовъ изъяс-
ненія благодарности Временному Президенту; со всѣхъ
сторонъ раздалось восклицаніе: «Нѣтъ! нѣтъ!» Не
смотря на то, г. *Соге*, среди смятенія, за тѣмъ по-
слѣдовавшаго, объявилъ, что Палата изъясняетъ свою
благодарность г-ну *Лафитту*, и со всѣхъ сторонъ
раздался хохотъ. Засѣданіе было закрыто.

На другой день въ Палатѣ Перовъ и Палатѣ Депу-
татовъ составлены были коммисіи для составленія
отвѣтныхъ адресовъ на рѣчь Короля. При этомъ
большинство охранительной партіи выказалось еще
рѣшительнѣе, нежели при образованіи отдѣленій.

На вопросы, предложенные г. *Тьеромъ*, объ от-
ношеніяхъ Франціи къ Англіи, Министръ Иностран-
ныхъ Дѣлъ, г. *Гишо*, отвѣчалъ слѣдующее: «Въ ны-
нѣшней тронной рѣчи не употреблены слова, кото-
рыя встрѣчались въ рѣчахъ многихъ лѣтъ до 1838
года: «тѣсный союзъ» или «тѣсное дружество,» но
сказано просто: «сердечное согласіе.» Это выраженіе
не заключаетъ въ себѣ никакого преувеличенія и ни-
чего неопредѣленнаго, потому-что оба правительства
разсмотрѣли вопросы, которые могли бы послужить
поводомъ къ ссорѣ между двумя государствами, и пе-
кренно согласились на-счетъ способа ихъ разрѣшенія.
Что касается до права осмотра кораблей, то объ этомъ
предметѣ открыты переговоры; Англійскій Кабинетъ
огласился подвергнуть этотъ вопросъ новому раз-
смотрѣнію и принять въ соображеніе желаніе нашей
Палаты и публики. Министерство не можетъ сказать
ничего болѣе. Относительно Испаніи, несогласіе, го-
сподствовавшее между Англіею и Франціею, было
одною изъ причинъ охлажденія двухъ Кабинетовъ,
къ величайшему вреду для Испаніи. Нынѣ объ дер-
жавы вновь согласились въ этомъ отношеніи, и Ис-
панія отъ-того пріобрѣтетъ болѣе безопасности. На-
счетъ греческихъ дѣлъ господствуетъ между Англіею
и Франціею то же согласіе.»

Въ засѣданіи Палаты Перовъ 8 Января докладчикъ
Адресной Коммисіи этой Палаты, Герцогъ *де-Бро-
ли*, прочиталъ проектъ адреса въ отвѣтъ на тронную
рѣчь. Въ галереяхъ собралась многочисленная пуб-
лика; многіе изъ Депутатовъ находились въ залѣ, по-
зади скамей Перовъ и въ углубленіяхъ дверей. Со-
общаемъ слѣдующія замѣчательнѣйшія мѣста адреса,
прочитаннаго Герцогомъ *де-Броли*: «Слова, произне-
сенныя Вашимъ Величествомъ съ высоты трона, на-
полнили радостию всѣ сердца. Принимая ихъ съ благо-
говѣніемъ, мы благодаримъ Короля за благоде-
нствіе Франціи. Онъ всегда можетъ быть увѣренъ въ
безкорыстномъ нашемъ содѣйствіи. Да продолжаетъ
Франція преуспѣвать на пути миролюбивой дѣятель-
ности и мирныхъ трудовъ, да возрастаетъ она по-
среди всѣхъ націй въ могущество, просвѣщеніи, бо-
гатствѣ; будущность ея упрочена, власть законовъ
установлена на твердомъ основаніи; *партіи побѣд-
дены, и государственныя власти, презирая ихъ тщет-
ныя демонстраціи, не оставляютъ наблюдать за ихъ
преступными замыслами.* Государь! ваше семейство
есть и наше: Франція считаетъ себя счастливою,
причисливъ къ дочерямъ своимъ еще одну Принцес-
су, присутствіе которой присоединяетъ новое утѣше-

ніе къ тѣмъ, которыя Богъ низпослалъ вамъ. Франція съ гордостью видитъ въ рядахъ храброй нашей Алжирской арміи сыновей вашихъ, одного за другимъ подающихъ и берущихъ примѣры непоколебимаго мужества, того неслабѣющаго постоянства, которое одолеваетъ всякое сопротивленіе людей и природы. Столь великія усилія принесутъ свои плоды; наше владычество въ Алжиріи вскорѣ будетъ поспѣшно и безопасно. Богъ благословилъ васъ, даровавъ вамъ сыновей, достойныхъ васъ и націю, которой вы служите первою опорой. Такъ утверждаются династїи, такъ скрѣпляются между собою однимъ высшимъ интересомъ поколѣнія Королей и народы. Общанная вѣрность, взаимная привязанность, дѣлаютъ этотъ союзъ неразрывнымъ. *Король, при восшествіи своемъ на престолъ, обѣщала посвятить намъ все свое существованіе, дѣлать то, что служитъ къ славы и счастію Франціи; Франція обѣщала ему вѣрность; Король исполнилъ свою присягу; кто изъ Французовъ могъ бы забыть свою и измѣнить ей?* По прочтеніи проекта адреса, Герцогъ Ришелье потребовалъ первый слова, чтобы объясниться и оправдаться насчетъ поѣздки его и другихъ легитимистовъ въ Лондонъ, о которой сдѣланъ намекъ въ адресѣ. Онъ сказалъ, что его путешествіе въ Лондонъ, для изъявленія Герцогу Бордосскому чувствъ благородныхъ и безкорыстныхъ, которыя онъ всегда будетъ вмѣнять себѣ въ честь, не заключаетъ въ себѣ ни въ чемъ нарушенія потребованной отъ него въ 1830 году и имъ данной присяги. Эти объясненія—сказалъ далѣе Герцогъ Ришелье,—вѣроятно, должны показаться удовлетворительными; въ противномъ случаѣ пусть потребуютъ его предъ судъ Перовъ, и тогда онъ дастъ отвѣтъ. Въ томъ же смыслѣ, но въ выраженіяхъ болѣе рѣзкихъ, сказалъ рѣчь Маркизь де-Веракъ. Онъ протестовалъ противъ послѣдней фразы адреса, находилъ ее противною достоинству Палаты и независимости ея членовъ, и утверждалъ, что изъявленіе благороднаго участія Герцогу Бордосскому, предпринявшему путешествіе въ Англію безъ всякой политической цѣли, не заслуживаетъ никакого порицанія. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ г. Гизо возражалъ Маркизу де-Вераку. Доказывая необходимость означенной фразы въ адресѣ, Министръ напомнилъ о происшедшемъ въ Бельгравъ-Скверѣ; по его мнѣнію, подобныя сцены всегда посѣваютъ раздоры между различными классами гражданъ, пробуждаютъ страсти и воспламеняютъ мысли и чувства, противныя общественному порядку. Правительство

обязано уничтожать такое бѣдственное направленіе, подавлять подобныя попытки къ возбужденію политической ненависти и гражданскихъ распрей. «Вотъ причины,—сказалъ въ заключеніе г. Гизо,—побуждающія насъ къ намеку, выраженному въ адресѣ; мы не будемъ уклоняться отъ умѣренной политики, которой правительство слѣдуетъ въ теченіе тринадцати лѣтъ; но мы примемъ нужныя мѣры для охраненія общественного спокойствія, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, отъ безумныхъ, скажу болѣе, отъ преступныхъ попытокъ непріязненныхъ партій. Эту мысль выражаетъ вамъ адресъ.» *(Одобреніе).*—Маркизь Боасси старался представить событія въ Бельгравъ-Скверѣ вовсе незначительными и неимѣющими никакой политической важности и сравнивалъ поѣздки легитимистовъ въ Лондонъ съ путешествіемъ самого г. Гизо въ Гентъ къ Людовику XVIII въ 1815 году.—Послѣ замѣчанія докладчика комиссіи, Герцога де-Броли, что онъ не имѣетъ ничего прибавить къ словамъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, весь первый параграфъ проекта адреса былъ утвержденъ Палатою.—При разсмотрѣніи втораго параграфа, касающагося до финансовъ, Виконтъ Дюбушажъ и Маркизь Боасси сдѣлали нѣсколько вопросовъ Министру Финансовъ, г. Лакавъ-Ланланью, и изъявили сомнѣніе на-счетъ дѣйствительнаго возстановленія равновѣсія между государственными доходами и расходами. Послѣ объясненій г. Лакавъ-Ланланья на-счетъ дѣйствительнаго умноженія доходовъ и приведенія въ порядокъ государственныхъ финансовъ, второй параграфъ былъ также принятъ Палатою.—Третій параграфъ, въ которомъ рѣчь идетъ объ отношеніяхъ къ иностраннымъ государствамъ, подалъ поводъ Виконту Сегору-Лемуаньону спросить г. Гизо о результатахъ переговоровъ съ Англіею на-счетъ отмены права осмотра кораблей. Г. Гизо отвѣчалъ, что переговоры еще не кончены, но что Англія признала уже необходимость пересмотра трактатовъ 1831 и 1833 годовъ. Послѣ неважныхъ замѣчаній Виконта Дюбушажъ о томъ же предметѣ, третій параграфъ былъ равнымъ образомъ принятъ. Затѣмъ были одобрены, безъ дальнѣйшихъ преній, остальные три параграфа, и цѣлый адресъ утвержденъ Палатою Перовъ по большинству ста пятнадцати голосовъ противъ четырнадцати.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

Русская Словесность.

ВОПРОСЫ СЕРДЦА.

Когда тебя терзаетъ горе,
Когда бѣды тебя гнетутъ,—
Раавеселись! Ты знаешь: вскорѣ
Онѣ пройдутъ, онѣ пройдутъ!

Когда жъ мечтой себя прельщаешь,
Вкушая радости вполнѣ,—
Вздохни задумавшись! Ты знаешь:
Пройдутъ онѣ, пройдутъ онѣ!

Зачѣмъ же сердце счастья просить?
Зачѣмъ его грызетъ печаль?—
Все времени потокъ уносить,
А вѣчности закрыта даль.

Кто знаетъ: чтó вдали таится,
И за завѣсой чтó насъ ждетъ?
Здѣсь все непрочно, все промчится!
Гдѣ жъ сердце счастье, миръ найдетъ?

Н. М.

Н Л И Н У Ш А.

Повѣсть.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У матушки Россіи въ одной рукѣ ледъ нарастающій, въ другой пламя: промерзнешь на сѣверѣ, вспотѣешь на югѣ. Чтó Эльбрусъ гора на Кавказѣ, то царство Русское на земномъ шарѣ; только и разницы: тотъ вверхъ выросъ, а Россія во все стороны разраслась. А хороши и Эльбрусъ, хоть я и не видалъ его никогда; а чего добраго, и не увижу; очень будетъ жаль; умру и заплачу, что не видалъ нашего поэтического Кавказа. Впрочемъ, если

Богъ подастъ позднюю старость, такъ съ нею и болѣзни возраста: поѣду лечиться къ пяти горамъ, непременно поѣду; загляну и въ Кизляръ, и отыщу то мѣсто, гдѣ стояли деревянные хоромы Княгини Авдотьи Алексѣевны, крытыя тесомъ и окопанныя рвомъ чуть не въ сажень глубиною, да закутанныя въ толстый валь, выше крыши, на которомъ торчали четыре пушки, четыре пушкаря и четыре неугасимые фитили. Ничего въ этомъ и удивительнаго не было; съ плоской крыши хоромъ, построенныхъ на полуазійскій ладъ, можно было видѣть на южномъ горизонтѣ верхушки горы, или норы непокорныхъ Чеченцовъ, да безконечныя долины Кумыковъ въ рамкѣ, составленной изъ двухъ рѣкъ, Терека и Койсу, а на сѣверной сторонѣ кочевья черныхъ Нагайцевъ, которыхъ смирному праву еще не привыкли вѣрить Русскіе. Но самага опаснаго сосѣда нельзя было достать глазомъ даже съ Кизлярской колокольни. То былъ Ахметъ Гирей, Тарковскій Шамхалъ, которому кланялся и платилъ оброкъ весь Дагестанъ до Шемахи. Пушкаръ Евсей только и глядѣлъ на тарковскую дорогу, которая, перепрыгнувъ черезъ Терекъ и Аксай, во весь духъ уходила по землѣ Кумыцкой. Пушкаръ Онисимъ не раздѣлялъ опасеній Евсея и ежедневно, и на часахъ и въ артели, трунилъ надъ осторожнымъ товарищемъ.

— Онисимъ,—сказалъ Евсей, прикрывая глаза рукою вмѣсто зонтика,—глянь пожалуй: чтó по дорогѣ шевелится?

— Ой Евсей! держи огонь остро! Самъ Шамхалъ крадется. . . .

— Шуты, шуты! . . .

— Право не шучу! Видишь хитрець какой: нарядился кумыцкимъ буйволомъ, да и бредеть прямо на Евсея, а Евсей. . . .

— А Евсей Богу молится, чтобы ничего худаго Кизляру не приключилось, пока бояринъ князь Михайло Алегуковичъ, изъ Москвы не воротится. Думаешь, Шамхалъ не провѣдаетъ про болгарскій отъѣздъ. Правда, почью проводили мы князя! Ни одинъ обыватель не видалъ, не слышалъ поѣзда. Матушка князя, боярыня Авдотья Алексѣевна управу держитъ, указы раздаетъ будто отъ большого сына. Только мы, пушкаря, да Оомка, дворецкой, да княгиня, знаемъ въ какой бояринъ спалъ. Бѣда какъ выйдетъ наружу. Сосѣди спохватятся, на женскій полъ опрокинутся; а тутъ

еще для бусурманской прихоти и приманка такая злая, что бѣда...

— Какал приманка?

— А Наташа...

— Ну, поди! Бусурмане любятъ слобныхъ, пухленькихъ, рослыхъ; а эта—словно пивка: тонкая, сухая, поджарая....

— Рассказывай! Я братъ, старикъ, а когда на крышѣ сядетъ княгиня съ Наташей полдничать или, такъ, отъ скуки, такъ я братъ знай только усы закручиваю. Хороша, братъ, хороша! Полно, не спорь; а то если въ задоръ войду, такъ я тебя изъ пушки застрѣлю.

— Ай да Евсей! Расходился! Пусть только выйдутъ на крышу, я имъ расскажу.

— Ну, Онисимъ, тогда пусть судитъ Богъ и Государь, тогда ужъ весьма застрѣлю.

— Вотъ что! Ахъ ты холостыба, холостыба! На старости вторился да еще въ княжну.

— Какал она княжна! Найденышъ! Оомка рассказывалъ, что къ боярынь ее на Москвѣ подкинули; баятъ, что она съ неба свалилась. Видишь, княгиня у обѣдни стояла; отстояла и пошла къ царицѣ на половину; откланялась, да и пошла къ Царицамъ-вдовамъ да къ Царевнамъ; откланялась, сѣла въ колымагу, приѣхала къ себѣ въ домъ, поклонилась всѣмъ иконамъ въ образной и маленько тутъ поотдохнула; потомъ пошла въ опочивальню, глядитъ—на вдовей княжой постели лежитъ дитя безсловесное, усмѣхаючись, ручонками къ княгинѣ тянется. Созвали всю дворню. Кто принесъ? Никто. Кто видѣлъ? Никто. Откуда? Богу одному извѣстно. На шеѣ только крестъ, да въ бумажку обернутъ; а на бумажкѣ написано: «Крещеная Наталья. Отцемъ ей былъ Сергѣй, а матерью ты будешь...»

— Евсей! А вѣд дивный случай!

— Да ужъ какже не случай!

— Чай, не безъ грѣха тутъ обошлось...

— Послушай, Онисимъ, право, отъ шутокъ у тебя до бѣды со мной дойдетъ. Какой тутъ грѣхъ! Отъ бѣдности, отъ нищеты дитя родное въ добрыя руки отдали....

— Вотъ ужъ добрыя! нечего сказать! Этакой спѣси, чай, и на Москвѣ не увидишь! Шея у боярыни на поклонъ не согнется; чай, сквозь зубы во всю жизнь и десяти ласковыхъ словъ не процѣдила; зубовъ, почитай, и мужъ не видывалъ. Ухорская, правда. Оомка

рассказывалъ, что, съ молоду, въ подмосковной любила жить, да на лихихъ скакунахъ зайцевъ гоняла. Овдовѣла больно рано; думали за-мужъ выйдетъ или въ монастырь запрется. Не тутъ-то было. Говорить: у меня есть мужъ—сынъ Михайло; довольно и съ нимъ хлопотъ; а сколько сватовъ засылали! Оомка бантъ, что былъ у царицы комнатный Нарбековъ, не такъ, чтобъ и молодъ, больно княгинѣ пришелся по вкусу, да на бѣду, женатъ былъ.

— Ну!...

— И все тутъ! Женатъ, такъ женатъ! Женатому со вдовою любовь вести не приходится... Жена у Нарбекова сама была красавица, да и правомъ зубастая; мужъ было-началь княгиню навѣщать, да жена отвѣдила, зълемъ, приговоромъ или на другой домашній ладъ; только муженекъ пересталъ къ княгинѣ ѣздить. Княгиня въ подмосковную, да и давай горе мыкать на охотѣ. А какъ Михайло подросъ, княгиня въ Москву, да къ Царицѣ, да къ ближнимъ людямъ Федора Алексѣевича; всѣхъ обошла съ подарками; недоросль, чай, князю тогда было много, много, лѣтъ шестнадцать, —а послали воеводою на Терекъ.

— Кому удача! Иной сто лѣтъ проживетъ, а такимъ воеводой не будетъ. Шамхалу не разъ за ушами трещало отъ боярской руки; Чеченцы съ далекихъ горъ князю кланяются. Такой погромъ задалъ, что ну да два. И Онисимъ что хочешь говори, а безъ него больно страшно. Ну, вотъ твой буйволъ, Онисимъ, погляди, черезъ мостъ перебирается.... О! да это бывалый! Погляди, погляди; не буйволомъ, а дикой козой перепрыгиваетъ... Кумыкъ, не Кумыкъ, а съ этой стороны я гостей побанваюсь.

— Полно, Евсей! Видно къ знакомцу пришелъ; видишь, въ городъ пустили.

— Такъ, да....

И Евсей почесался; во всемъ лицѣ его замѣтно было безпокойство. Наступилъ часъ смѣны; Евсей поспѣшно сдалъ фитиль другому пушкарю и бросился въ ту сторону, гдѣ чаялъ найти знакольца. Но гость прональ безъ вѣсти. Поиски Евсея кончились мыльнымъ пузырьемъ; но самая неудача увеличила тревогу въ его душѣ; таинственный гость не выходилъ изъ ума; если ушелъ, зачѣмъ приходилъ? если не ушелъ, зачѣмъ кроется? Размышленія его были прерваны крикомъ и лошадинымъ топотомъ на коношомъ дворѣ; выводили богатоубранныхъ лошадей; псаря, конохи бѣгали и

суетились. «Что за невидаль!» подумалъ Евсей и пошелъ къ главному крыльцу хоромъ и, къ ужасу, увидѣлъ и княгиню и Наташу въ невиданныхъ платьяхъ; обѣ садились на лошадей. Евсей не выдержалъ. «Государыня боярыня!» закричалъ онъ: «на Терекъ—не подь Москвой! Тутъ изъ каждой норы стрѣла глядитъ; тутъ вѣтеръ измѣнщикъ и земля болтлива.... Помилосердуй, княгиня, надъ....»

Онъ запнулся. Суровый взглядъ княгини довершилъ его смущеніе; онъ отступилъ, опустивъ глаза, и на кого-то наткнулся.

— Легче!—сказалъ громкій и звучный голосъ. Евсей оглянулся. За нимъ стоялъ рослый мужчина, въ бобровой шапкѣ, въ узкомъ чекменѣ тонкаго сукна, облаговавшимъ стройный станъ и дюжую природу незнакомца; смуглый цвѣтъ лица не могъ скрыть благородства и какой-то задумчивой важности въ чертахъ; борода свидѣтельствовала, что незнакомцу недавно за двадцать. Евсей не могъ свести съ него глазъ и не замѣтилъ, какъ обѣ всадницы съ многочисленной прислугой ускакали въ тесовыя ворота, выпорхнули черезъ ворота въ валу и понеслись легко и свободно по узкимъ улицамъ города, изумленного страннымъ явленіемъ. Любопытство Евсея не понравилось незнакомцу; онъ отвернулся. Евсей продолжалъ его осматривать.

— Что ты на меня глаза уставилъ?—спросилъ молодецъ, довольно грубо; краска показалась въ лицѣ.

— Братцы, чужой! Ловите!—закричалъ Евсей и бросился на незнакомца. Воскличеніе и движеніе нашли подражателей; но на крикъ выбѣжалъ Оомка.

— Не трогать моего гостя!—закричалъ онъ.—Вася! сюда! — Оомка и гость ушли въ хоромы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— Кто этотъ звѣрь, Лукичъ? спросилъ гость, входя въ комнату Оомки и кланаясь предъ образами.

— Это нашъ пушкарь Евсей; изъ Москвы присланъ; у него на рукахъ весь пушкарскій снарядъ; нѣтъ вѣрнѣе у насъ челоуѣка. Вотъ и теперь дѣло княгинѣ сталъ говорить; да не таковская; мужа послушалась. Не будь отъ ворововъ опасу, досталось бы Евсею. И такъ не знаю чѣмъ кончится размолвка. Ну, да какъ хотятъ, такъ пускай и раздѣлываются. Ты лучше расскажи, бояринъ, что тебя на Терекъ

привело? Мальчишкой ты былъ Василій Васильичъ, когда я, бывало, приходилъ къ отцу твоему, вѣчной памяти, не тѣмъ будь помнугъ. Грѣхъ росъ, да благо подкосили: не доарѣлъ и свалился. Наше холопское дѣло. Писать княгиня не умѣетъ, вѣдь она не мужчина; такъ на словахъ, бывало, Оома сладкія рѣчи переноситъ. Помнишь ли, приду къ вамъ на дворъ, ты первый меня завидишь; кричишь: сказочникъ пришелъ, сказочникъ! Матушка твоя, вѣчной памяти, не тѣмъ будь помнута, на всѣхъ волчицей глядѣла; да сказочникъ любовь сынку,—любовь и матери. А сказочникъ окаянный кружку пива стараго выпьетъ, пирогомъ закуситъ, да за хлѣбъ, за соль, мужа чужою лестью соблазняетъ. Натерпѣлся я, нечего говорить. Только и радости у меня было что Вася, и того что-то не на доброй дорогѣ вижу.... А говорили: Василій Васильичъ Нарбековъ къ Царевнѣ-правительницѣ въ комнатныя взять; скоро въ Думѣ сядетъ....

— Все миновалось!—сказалъ Нарбековъ въ невыразимою грустью.

— Что жъ, Вася!.. виновать, бояринъ Василій Васильевичъ: обмолвился. За что Царевна тебя милостей своихъ лишила!...

Василій заплакалъ на-взрыдъ и Лукичъ, самъ не зная отчего, давалъ ему подхныкивать.

— Нѣтъ Царевны! нѣтъ правительницы!—сказалъ Нарбековъ, рыдая;—нѣтъ мудрой Софіи Алексѣевны. Осталась инокиня Сусанна.... осталась для одного Бога!... Отрокъ правитъ царствомъ!...

— Съ нами крестная сила! Ты, Вася, нынче въ сказочники пошелъ. Ну, статочное ли это дѣло, чтобы такая великая Государыня постриглась....

— Постригли!—сказалъ Василій съ какимъ-то дикимъ выраженіемъ досады и злобы, и всталъ.—Лукичъ! не спрашивай, если не хочешь уморить меня горемъ; доношу мою тоску до могилы.... а тамъ пусть она сама разсудитъ, кто ей былъ больше преданъ. Тѣ ли, что съ утра до вечера вооружали царевну на брата, или тотъ, кто удерживалъ чистую, прекрасную, незапятнанную кровью руку отъ преступленія. Тѣ строили для себя подмостки, какъ бы самимъ стать по-выше. Я хотѣлъ низвести царевну до настоящаго счастья, и жизнь ея пробѣжала бы тихой струей въ блаженной неизвѣстности. Ну.... все, все тутъ.... Не послушалась, пала; повалились совѣтчики; я не отсталъ отъ нихъ: меня услади воеводой на Красный Яръ. Пусть воетъ вмѣстѣ съ моремъ; за-

хочетъ утопиться,—есть гдѣ. Оома Лукичъ! Не снесъ я плача каспійскихъ водъ; душу рвутъ, какъ завоюютъ; въ пучину тащатъ; а кругомъ степь да солончаки; и такъ на сердца пусто, и такъ солопо! Не спесъ я одиночества, и на легкой ладѣ ушелъ... ушелъ далеко; ладя ушла ко дну, а меня выкинуло въ Аграханской губѣ. Самъ не знаю, какъ, зачѣмъ я пришолъ къ вамъ. Вотъ тебѣ, Лукичъ, и правда, да страшнѣ твоихъ самоцвѣтныхъ сказокъ... Полно обо мнѣ! Отдохну; пойду дальше! Ты лучше расскажи, какъ ты поживаешь? Твои рассказы вскормили въ душѣ моей много добра, да понапрасну....

— Василій Васильичъ! не ты рассказывай,—не повѣрю! Такъ видно-то и гонецъ прѣзжалъ на Терекъ не отъ царевны?

Василій молчалъ.

— Видно, теперь на Москвѣ смута великая: всѣхъ бояръ собираютъ....

Нарбековъ молча глядѣлъ въ небольшое окно, передъ которымъ пустынно торчали тесовыя ворота и частоклы.

—Али опять съ Туркомъ война? Боже сохрани! Шамхаль подымется: не устоятъ кизлярской коробкѣ; стѣны изъ лучинъ сдѣланы. Такъ царевна въ какомъ монастырѣ?

— Лукичъ, неужто у молодого боярина такая большая дочь?

— Какая дочь!

— А вотъ въѣзжаетъ съ княгиней на дворъ.

— А что? Забираетъ!

— Не для меня цвѣтеть прелесть женская; а такъ спросилъ; знать, будто бы, захотѣлось...

— Послѣ, бояринъ, послѣ! Надо итти княгинѣ на встрѣчу....

— Лукичъ! Не говори, Лукичъ.

Но это предостереженіе было сдѣлано совершенно напрасно; потому-что Лукичъ уже съ табуретомъ ожидалъ княгиню на послѣдней лѣсенкѣ крыльца... Когда онъ возвратился въ комнату, Нарбековъ бросился къ нему съ вопросомъ:

— Ты сказалъ, что я здѣсь?

— Сказалъ!

— Ты погубилъ меня!...

— Богъ вѣсть, отвѣчалъ старикъ съ улыбкой и, взявъ Василія за руку, почти потащилъ его въ большую палату, гдѣ княгиня съ Наташей, въ амазон-

скихъ платьяхъ, ожидали гостя. Лице княгини горѣло, глаза сверкали; видъ Василія произвелъ въ лицѣ судорожное движеніе; но княгиня умѣла задушить бурю воспоминаній, улыбулась и приветливо сказала Нарбекову:

— Рада, воевода, видѣть тебя! Домъ мой къ твоимъ услугамъ! Погости у насъ, если можешь. Безъ сына скучно и страшно.

— Государыня княгиня! благодарствую за честь и гостепримство. Дѣло идетъ къ ночи, а тутъ у васъ кругомъ города летаютъ не совы и нетопыри, а лихіе богатыри. Я не трусь, да толпы боюсь; я на двухъ иду, а отъ ста стороно....

— И разумно! сказала княгиня....

— А ужъ если и не разумно, подхватила Наташа, такъ осторожно.

Василій покраснѣлъ, а княгиня гнѣвно посмотрѣла на дерзкую питомицу; но та не обращала на нихъ вниманія и спокойно снимала съ головы полувосновый уборъ.

— Чудо, не шапка! продолжала она шутливо, вертя на рукѣ легкую жестяную каску, подбитую атласомъ и опушенную дорогимъ соболемъ.—Лето, зима—другой не ношу! Конечно, маменька, я пойду на чердачекъ, вечеръ славный!

— Можешь и съ нами посидѣть. Что ты тамъ будешь одна дѣлать?

— Буду пѣсни пѣть.

— Для кого?

— Для Евсея. Когда я пою, онъ всегда слезы утираетъ.

— Погоди! И я ему спою пѣсенку, не такъ расплачется, холопъ поганый. Погѣзъ ко мнѣ съ ukazомъ; ужъ не онъ ли за сына хочетъ быть воеводой на Терекѣ?

Наташа поблѣднѣла; веселость исчезла. Молча, она подошла къ кресламъ, въ которыхъ сидѣла княгиня и, сама не понимая, по какому побужденію поцѣловала руку.

— Ужъ не за Евсея ли ты просишь?...

— За Евсея, княгиня, за Евсея! Кто же насъ такъ чутко сторожить станеть? Кого будутъ пушкари и стрѣльцы слушаться?...

— Меня! сказала съ гордостью княгиня. — А Евсея, только ради просьбы твоей, прощаю. Ты можешь

ему объявить милость; но скажи: въ первый и въ послѣдній разъ.... Куда же ты?

— Я хотѣла исполнить наказъ твой.

— Успѣешь! Посиди съ нами! У насъ дорогой гость, а ты съ пушкаремъ возишься! Для домашней управы свое время....

Наташа съ досадою взглянула на Василія и молча ушла у окна. Волненіе и даже досада придавали прелесть Наташе волшебную силу. Василій не сводилъ съ нея глазъ, и княгиня видѣла съ удовольствіемъ, какое впечатлѣніе сдѣлала ея питомица на сына человека, столь дорогаго сердцу княгини. Можетъ быть, не Наташѣ, а именно сладостнымъ и горькимъ воспоминаніямъ княгини Евсей былъ обязанъ своимъ прощеніемъ. Нѣсколько мгновений прошло въ общемъ молчаніи.

— Далеко ли твое воеводство? спросила наконецъ княгиня.

— Берегомъ дальше, моремъ ближе; да не вѣдаю, какъ изъ Кизляра идетъ туда дорога; хочу завтра купить лодку....

— Э, полно, воевода! Ужъ если тамъ что горитъ и ты спѣшишь восвояси, такъ ужъ мое дѣло тебя отъправить. Я Оомкѣ прикажу все къ твоему отъѣзду изготовить; только сроку дай денька два, три; какъ будетъ готово, сами тебѣ скажемъ; а пока поживи съ нами, полюбуйся на быстрый Терекъ, на кизлярскія болота, на сады мои. Вотъ ужъ не мало времени сынь мой на воеводство; мы съ невѣсткой, да съ Наташей, почитай, сами за садомъ ходимъ, а плохо растеть. Дико здѣсь, правда, да женской волѣ просторъ; не то, что на Москвѣ: ходимъ, ѣдимъ куда хотимъ; въ свѣтницахъ отъ чернаго глазу не кроемся; въ палатахъ мѣстами не считаемся; въ-поляхъ кланяться старшимъ боярынямъ не надо; живемъ себѣ будто Нѣмцы....

— Говорятъ—замѣтила Наташа — будто грѣхъ.

— Ужъ не твой ли Евсей?

— Я съ Евсеемъ не разговариваю; а няня толковала, будто въ околдкѣ проявилась какая-то Кликунша, да народъ нашимъ обычаемъ волнуетъ....

— Поймаю, сожгу, дай мнѣ только волю. Съ толку собьютъ эти знахари да кликуши; отъ нихъ на Москвѣ проходу не было; а до Кизляра эта первая не дошла; а дойдетъ, тутъ ей и конецъ. А у васъ, Ва-

силій Васильевичъ, на воеводство, этого соблазну не слышать?

— Я не знаю, матушка княгиня, я на воеводство не успѣлъ оглянуться. А что вашъ обычай, такъ мнѣ больно правится. Государыня правительница тоже затворничества не любила, какъ-будто предчувствовала, бѣдная....

— Жаль царевны! сказала княгиня со вздохомъ: — На Руси живеть это глупое повѣрье, будто нашъ полъ мужскимъ дѣломъ управиться не можетъ.... А вотъ же и управлялись и управляются почище мужчинъ... Княгиня самодовольно улыбулась и продолжала: женская красота одна самыхъ непокорныхъ бояръ за волю держитъ....

Нарбековъ вздохнулъ, опустивъ глаза.

— Каждый теперь уже знаетъ, что царская дочь ему не невѣста. Любить, пожалуй люби, да какъ Ангела Господня. Такъ, чего иной отъ храбрости и до-родства не сдѣлаетъ, а изъ любви такой одинъ три города возьметъ. И надо правду молвить, какая была красавица Софья Алексѣевна! Не правда ли?

Нарбековъ сидѣлъ какъ на иголкахъ и едва собрался съ духомъ чтобы отвѣчать:

— Разумъ царевны превышалъ красоту. Какъ она писала! лучше Полоцкаго. Я былъ такъ счастливъ: училъ наизусть и представлялъ на театрѣ ея писанія; такъ бывало, какъ говорю, такъ будто медъ на губахъ слышу. Въ думѣ, или дома, царевна такъ сладко говорила, такъ красно слова подбирала, что перестанеть говорить—жалко, хотѣлось бы еще послушать....

— Слышишь, Наташа?

— Слышу.

— А что? государыня княгиня.

— Да она у меня такъ красно иной разъ говоритъ, что и наслушаться не могу. Наташа, присядь поближе, да расскажи про бѣлаго лебедя.

— Не могу.

— Наташа! Да развѣ не я тебѣ велю....

— Да какъ же я нарочно буду рассказывать, когда пѣть охоты....

— Да зачѣмъ охота, когда пужны слова? Ты расскажи только такъ, какъ ты вчера рассказывала.

— Да я забыла. Вѣдь я не наизусть читала, а такъ, какъ въ голову приходило....

— Полно чваниться, рассказывай!

— Право не могу....

— Упрямисься? Такъ ступай долой съ глазъ моихъ! Ты меня только передъ гостемъ позоришь.

Наташа расплакалась. Книгиня смягчилась. Наташа не унялась и стала заливаться и слезами и смѣхомъ. Книгиня и Василій перепугались. Пошли хлопоты; позвали сѣнныхъ дѣвушекъ; увели Наташу въ опочивальню. Но это не помогло; она просилась на чистый воздухъ. Книгиня не могла противорѣчить; вывели Наташу на чердакъ, то есть на плоскую крышу. Книгиня воротилась къ гостю, а Наташа объявила дѣвушкамъ, что желаетъ остаться одна. Темпѣло уже Кизлярское небо; далече, далече горѣла вечерняя звѣзда яркимъ свѣтомъ; туманъ подымался надъ пустынною окрестностью. Въ безграничной пустотѣ торчали четыре пушкаря, да пятый Евсей, безсонный и безсмѣнный; рѣдко онъ покидалъ свой любимый валъ, особенно не любилъ оставлять его ночью; не спалъ самъ да ужъ за то не давалъ вздремнуть и товарищамъ. Съ чердачка, уставленнаго дорогими цвѣтами и покрытаго легкимъ навѣсомъ, перекинуть былъ на валъ родъ мостика на веревкахъ; этотъ мостъ наводился и снимался по волѣ воеводы. Теперь онъ былъ снятъ; но, по близости хоромъ къ сѣверной сторонѣ вала, можно было и безъ мостика разговаривать свободно даже шопотомъ. Когда Евсей дозоромъ проходилъ около этого мѣста, онъ не могъ не замѣтить Наташи, которую уже издали высмотрѣлъ зоркій глазъ его. Но какъ было его изумленіе, когда Наташа подбѣжала къ самымъ периламъ, перегнулась такъ, что стало страшно, и спросила довольно громко:

— Евсей, Евсей! кто этотъ гость?

— Не знаю, боярышня! отвѣчалъ Евсей, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Я знаю, Евсей, да не вѣрю! Онъ не то, за кого выдаетъ его княгиня! Выживи его, Евсей; я боюсь гостя....

— Чтожъ у васъ тамъ было? спросилъ Евсей съ приметной тревогой....

— Онъ на меня волкомъ смотреть.

— Я его изъ пушки застрѣлю, окаяннаго....

— Ради Бога не стрѣлай его изъ пушки. Книгиня тебя со свѣта сживетъ.

— Э, боярыня! моя голова не дорога ни мнѣ, ни кому.

— Полно такъ ли, Евсей? А боярину?...

— Что мнѣ въ боярской милости? Не дорога мнѣ и боярская милость.

— Такъ чья же?

— Про то я знаю, да вѣтеръ, когда, забывшись, оброню нескромное слово....

— А я не могу знать?

— Да тебѣ на что, боярышня. Смѣяться станешь, не утерпишь, а Евсей горько заплачетъ....

— Право не буду смѣяться. На всемъ дворѣ только надъ тобой и смѣяться не смѣю, и не люблю слушать, когда не только Онисимъ какой, но даже когда сама княгиня подтрунитъ надъ тобой....

— Право?

— Ей-богу! Я тебя очень люблю, Евсей; ты такой добрый....

— Право? Чудно!

— Ты не вѣришь, Евсей? А для кого же я пѣсню пою, какъ не для тебя....

— Матушка боярышня!

Но голосъ княгини прервалъ странное свиданіе. Евсей упалъ и прилегъ на валу; онъ слышалъ какъ княгиня ласкала Наташу, разсыпала нѣжности, поцѣлуи; вываляла молодого гостя и не умѣла скрыть своихъ надеждъ, что она увидитъ любимую питомицу замужемъ, за сыномъ стариннаго сердечнаго друга. Это открытіе поразило Евсея и испугало Наташу. Старикъ чуть не выскочилъ изъ своей засады. Наташа была благодарна и отвѣчала пѣсней. Спѣла пѣсню и убѣжала. Книгиня за ней. Евсей пришелъ въ бѣшенство; какъ дикий вепрь побѣжалъ онъ по валу.

— Что случилось?—вскрикнулъ пушкаръ, испуганный походкой и тѣлодвиженіями Евсея.

— Тетеревъ! закричалъ старикъ. — Ты не слышишь супостата?

— Гдѣ онъ?...

— Близко; подъ тобою!

— Въ городѣ.... И оробѣвшій пушкаръ приложилъ фитиль къ орудію: раздался выстрѣлъ. Въ одно мгновеніе и на дворѣ и въ городѣ поднялась суматоха; по городской стѣнѣ разсыпались стрѣльцы, составлявшіе почти двѣ трети народонаселенія въ Кизлярѣ; факелы освѣтили и улицы и ровъ подъ стѣною. Ждали врага. Никто не являлся. Къ общему изумленію, въ военномъ костюмѣ, съ мечемъ и ножомъ у пояса, изъ хоромъ вышла княгиня. За нею Василій, Оома и вся дворня, вооруженные кто какъ попало. Книгиня обошла всю городскую стѣну, одушевляла воиновъ и взоромъ, и рѣчью, и воинскою рѣши-

мостью; спрашивала: откуда враги идутъ, много ли ихъ? Чеченцы или Тарковцы? Но на всѣ эти вопросы никто не могъ отвѣчать; только одинъ сторожевой стрѣлецъ доложилъ княгинѣ:

— Государыня!.. воевода! Видно пушкаръ брякнулъ съ просонковъ. Правда, съ часъ мѣста выходило что-то, изъ тѣхъ кустарниковъ, что надъ озеромъ, да и спряталось; можетъ быть, какая шакалка заблудилась, али другой какой нѣсть звѣрокъ.

— Такъ отчего же ты не подашь знаку? гнѣвно спросила княгиня; шакалка ли, кошка,—не твое дѣло разсуждать. Ты свое дѣло вѣдай. Видишь, такъ старшаго зови! Я тебѣ! Ступай, веди сотню, покажи, гдѣ видѣлъ; обыщите кустарники: можетъ статься, въ засадѣ сидятъ. Нѣтъ—хорошо; есть—тѣмъ лучше. Надо сохладямъ острастку задать; пусть вѣдаютъ, что и больной бояринъ не уступитъ здоровому.... Ступай!

Стрѣлецъ оробѣлъ. Прочіе любовались распорядительностію и разумомъ княгини; въ одно мгновеніе стало охотниковъ на поискъ больше сотни. Пошли. Съ ними Василій и Оома.... Книгиня со всѣмъ войскомъ и народомъ ждала развязки на городскомъ валу....

— Что случилось? спрашивала Наташа у изумленнаго Евсея....

— Болванъ! бормоталъ Евсей: твоя пѣсня, боярышня, подняла тревогу; пушкаръ не смѣкнулъ, выстрѣлилъ; придется солгать княгинѣ, что видѣлъ Чеченцовъ; а нѣтъ, такъ ускакали. Благо были случаи и всегда объ этой порѣ....

— И чтожъ они, нападаютъ на городъ?

— Куда имъ! До меня, рассказываютъ, разъ въ улицы затесались, домъ одинъ подожгли, стащили какую-то рухлядь и давай Богъ ноги. Послѣ того случая насъ съ Онисимомъ сюда прислали, да двѣ сотни стрѣльцовъ. Они, голубчики, про насъ не свѣдали, да и пожаловали объ этой порѣ; я гляжу: по-за-Терекомъ гарцуютъ; прыгъ одинъ, прыгъ другой; я молчу; штукъ ихъ больше двухъ сотень переправилось, да кучкой и понеслись прямо на ворота; я присмотрѣлся, да какъ жигану изъ красавицы, вопъ что передъ Онисимомъ стоитъ, такъ пріятели, будто изъ мѣшка орѣхи, такъ и раскатились въ разные стороны. Даль я имъ льготу, подождать, пока опять въ кучку соберутся; собралась; я присмотрѣлся, да какъ гряну, такъ, матушка-боярышня, повѣришь ли, отъ смѣху пушки зари-

лить не могъ: будто козы, черезъ Терекъ, одинъ за другимъ, прыгъ, прыгъ—и слѣдъ простылъ. Гдѣ имъ при мнѣ на Кизляръ соваться!..

— А ты ужъ давно здѣсь?

— Да ужъ безъ мала семнадцать лѣтъ!

— О чемъ ты вздохнулъ, Евсей?

— Такъ, боярышня. Семнадцать лѣтъ—много времени. Былъ и я молодъ; мнѣ тогда третій десятокъ исходилъ; молодого пушкаря всѣ любили, не только товарищи да женщины; бояре пушкарю головой кивали. На пушечномъ дворѣ сидѣлъ бояринъ Андрей Семеновичъ; въ домъ къ себѣ пускалъ, медомъ подчивалъ, бралъ къ себѣ на домъ за сторожеваго; прочилъ меня далече. Погубилъ душу, бояринъ, погубилъ и.... Да тебѣ, боярышня, не приходится этого рассказывать....

— Отчего же, Евсей?

— Оттого, что перестанешь любить, а любовь твоя, боярышня, теперь все для Евсея. Одинокъ я былъ, какъ палецъ; теперь будто у меня большая семья; на всю жизнь радость... И Евсей утеръ горячую слезу; въ туманѣ и въ вечернемъ сумракѣ онъ не могъ уже и видѣть своей дорогой собесѣдницы; и она его не могла видѣть. Но Евсей не думалъ объ этомъ; онъ боялся слезою своею оскорбить Наташу, отвернулся и вскрикнулъ:

— Ба! стало, не даромъ пушкаръ выпалилъ!

— А что такое?

— Ведутъ кого-то изъ кустарника.

— Кого же?

— Вѣдму какую-то! Кликушу....

— Кликушу! закричала Наташа: Боже! спаси и заступи несчастную!

Евсей не обманулся. Впереди отряда шла женщина въ рубищѣ, довольно нескромномъ; да старухѣ стыдиться было нечего; тѣло ея цвѣтомъ уже не отличалось отъ грязной земли; простоволосая голова обсыпана была клочками сѣдой щетины; руки, почти обнаженныя, изрытыя морщинами, жилистыя, сухія, болтались будто привѣшенныя; но глаза какъ огонь горѣли; злая улыбка заковала уста. Старуха шла шибко, безъ боязни, повременамъ взглядывала на стрѣльцовъ—и стрѣльцамъ становилось страшно. Когда она вошла въ городскія ворота, обернулась и спросила:

— Ну, теперь куда? тутъ дорога разбѣжалась по улицамъ и переулкамъ....

— Для такихъ бродягъ одна дорога! сказала княгиня: въ острогъ!

— Все-таки крышка есть, а въ кустарникахъ и сверху и снизу и съ боковъ больно сыро... Ну, такъ покойной почи, дѣтушки. Московская Кликуша хлѣба-соли не забудетъ. Спасибо за пріемъ. Пойдемъ въ острогъ.

— Да за что въ острогъ? спросилъ стрѣлецкій сотникъ довольно тихо. Кликуша, того гляди, на всѣхъ бѣду накликаетъ....

— За что, въ самомъ дѣлѣ, въ острогъ? подхватило нѣсколько голосовъ. Больныхъ лечатъ, не наказываютъ!

Княгиня едва могла скрывать негодованіе; ропотъ усиливался; стрѣльцы отступали отъ Кликуши и перешептывались; а Кликуша, сложивъ на груди руки, смотрѣла на книжницу съ невыразимую печалью.

— Думала, думала, сказала она грустно: да и раздумала. Отдала я козырю козырку; чай, теперь той же масти. Давно ли, матушка, шелками въ узорчатыхъ пальцахъ вышивала? давно ли на золотомъ веретенѣ бѣлый ленъ пряла?—выпалилъ, выстрѣлилъ—оглушилъ; дурью глаза засыпалъ; стащилъ онъ съ меня дѣвичью повязку; испортилъ....

Съ послѣднимъ словомъ Кликуша подняла вверхъ сжатые кулаки и стала коверкаться; пѣна зашипѣла на устахъ, ноги плясали страшный танецъ, а голова мѣрно и медленно шаталась взадъ и впередъ, какъ у гипсовой кошки. Ужасъ обхватилъ всю толпу; даже княгиня смутилась и отвела глаза. Припадокъ болѣзни продолжался не долго. Кликуша упала, нѣсколько разъ повторила странный прищѣвъ, которымъ сопровождала свою дикую пляску: пифъ! пафъ! пуфъ! пифъ! пафъ! Голосъ замеръ и тяжелый сонъ оковалъ несчастную.

— Отнесите притворщицу въ острогъ! сказала княгиня.

— Нельзя въ острогъ! Несите въ приходъ, къ отцу Ивану: пусть молитву сотворитъ; видно, грѣхъ великъ....

— Въ острогъ, непокорные!... закричала княгиня.
— Въ приходъ! завопилъ дюжій стрѣлецъ и бросился къ Кликушѣ. Но онъ не успѣлъ поднять ее, княгиня выхватила бердышъ у прислужника; желѣзо, жужжа, блеснуло, въ воздухъ—и стрѣлецъ мертвый, растянулся возлѣ Кликуши.

— Слушаться! сказала княгиня грозно: Въ острогъ! Изумленные стрѣльцы повиновались, и ужасъ уморилъ ропотъ.

(Продолженіе впереди)

Н. КУНОЛЬНИНЪ.

Иностранная Словесность.

ЛЕКЦІЯ ФИЛОСОФІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно въ извѣстной и уважаемой Германцами газетѣ Morgenblatt (1843 года въ № 94 и 95) помѣщена была статья, въ видѣ дамы, изображена германская публика, а въ лицѣ профессора—школа гегелистовъ. Чтеніе этой статьи невольно напомнило намъ, что и у насъ, нѣсколько индивидуумовъ объявило себя гегелистами и представителями вѣка. Всѣхъ русскихъ литераторовъ, всѣхъ читателей, несогласныхъ съ ихъ воззрѣніями, называютъ они старцами, постигнутыми нравственною смертью прежде физической, людьми добраго стараго времени, лѣзобобыми, предающими апавемъ все новое и лучшее, навязывающими новому поколѣнію свои убѣжденія и вѣрованія, которыя были хороши въ свое время, но которыя не могутъ уже удовлетворить новаго поколѣнія, двинутаго впередъ неизбѣжнымъ закономъ постепеннаго совершенствованія. Все это очень мило, скромно и чрезвычайно учтиво. Если вамъ не вѣрится, что эти воззрѣнія напечатаны, то потрудитесь заглянуть въ первый номеръ Литературной Газеты, редакцію которой завѣдываетъ съ нынѣшняго года редакторъ Отечественныхъ Записокъ А. А. Краевскій. Дѣло доказанное, что философія Гегеля подвинула въ Германіи молодое поколѣніе на три тысячи верстъ впередъ, и что въ другихъ странахъ Европы, юнныя, усовершенствованныя, широколобыя поколѣнія, не смотря на свое плохое знаніе нѣмецкаго языка,

къ удивленію или кудивленію также ушли впередъ отъ знаменитой логики Гегеля и отъ всѣхъ другихъ логикъ, если не на три, то по-крайней-мѣрѣ на двѣ тысячи верстъ. Въ Германіи недавно подмастерье портнаго цеха, Вейтлингъ, напитанный ученіемъ Гегеля, напечаталъ такую отчаянную философическую книгу, что у всѣхъ германскихъ портныхъ выпадаютъ изъ рукъ иглы отъ изумленія и ужаса. Онъ перещеголялъ и рѣшительно осрамилъ всѣхъ философовъ древнихъ и новыхъ, не исключая и наставника своего, Гегеля. Во многихъ журналахъ серьезно разбирали новую систему господина Вейтлинга, а въ одномъ появились, въ честь его, стихи, которые сообщаемъ здѣсь въ переводѣ:

Чините, стихотворцы, перья
И слыште Гегеля. Его ученики,
Езъ всякаго теперь высокомерья,
Воскликнуть могутъ такъ: «Ужъ мы не далеки
Отъ храма мудрости, и наши всѣ полки
Идутъ впередъ, вослѣдъ.... портнаго-подмастерья!»

Старое, узколобое поколѣніе, конечно, и тутъ останется назади, при своихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ добраго стараго времени. Что дѣлать! Его ничѣмъ не исправишь. Убѣжденій его самъ Вейтлингъ не успѣетъ перекрестить по-своему или выворотить навизнанку. Не то будетъ съ юными гегелистами, особенно съ тѣми изъ нихъ, которые одарены отъ природы необыкновеннымъ широколобіемъ. По неизбѣжному закону постепеннаго совершенствованія, они тотчасъ же подвинутся еще впередъ верстъ на тысячу и сдѣлаются Вейтлингистами. Въ ожиданіи этого утѣшительнаго явленія и великаго прогресса, сообщаемъ маленькую комедію, написанную и напечатанную въ Morgenblatt однимъ извѣстнымъ германскимъ писателемъ, о которой мы выше говорили. Изъ нея увидятъ, что въ самой Германіи надъ гегелистами теперь уже смѣются.

ЛЕКЦІЯ ФИЛОСОФІИ.

(Передилъ)

ПРОФЕССОРЪ. — СЛУГА.

(Слуга, пересчитывая деньги, полученные имъ наканунѣ, на водку, кланяется вошедшему профессору. Профессоръ слегка киваетъ головою).

ПРОФЕССОРЪ. Дома ли барыня?

СЛУГА. Пожалуйте, сударь! (Отворяетъ дверь; профессоръ входитъ въ кабинетъ).

СЛУГА. Вотъ человѣкъ: никогда не даетъ на водку!

№ 1

(Кабинетъ).

(Дама, услышавъ шорохъ въ передней, проворно причетъ въ ящикъ «Парижскія Тайны» и вынимаетъ «Логику Гегеля.»)

ПРОФЕССОРЪ. Доброе утро!

ДАМА. А, здравствуйте, любезный профессоръ! Я только-что бросила Канта.

ПРОФЕС. И справедливо: онъ не стоитъ лучшаго. Такъ вы съ ранняго утра уже за философіей?—Амиѣ сказали, что вчера у васъ были гости, почти до утра.

ДАМА. Правда, да это ничего. Нынѣшнее общество незанимательно ни для души, ни для сердца; запятыся имъ все равно, что вышить стаканъ воды. Не угодно ли взять кресла?

(Профессоръ садится.)

ДАМА. Невыразимо какая интересная книга! Я безпрерывно была въ восторгѣ, такъ-что едва могла переводить духъ. Особенно интересна сцена, когда бѣднаго молодого человѣка нашли въ погребѣ, чуть не изѣденнаго крысами.

ПРОФЕС. Какъ! это въ Гегелевой логикѣ?

ДАМА (стараясь оправиться). Не прямо тамъ.... но можно себѣ это представить. Имѣя сколько-нибудь живой фантазій, невольно рисуешь въ воображеніи разные предметы, при чтеніи отвлеченныхъ книгъ.

ПРОФЕС. Желая изучать философію, вамъ надо оставить всякую фантазію.

ДАМА. Это будетъ трудно при моемъ живомъ воображеніи. — Не угодно ли вамъ начать лекцію.

ПРОФЕС. (учительскимъ тономъ) Въ прошедшій разъ мы бросили взглядъ на устарѣлую систему Шеллинга и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснили, что Германія на одно лишь мгновеніе была подъ игомъ генія Фихте: система его, будучи слишкомъ исключительна и парадоксальна, не могла утвердиться. Онъ усвоилъ идеализму героическую величину и строгое величество; но въ то время, какъ онъ отвергнулъ идею, его діалектика искажала блестящую мечту, называемую натурою. Остался одинъ лишь смѣлый мыслитель, одинокій владѣтель пустыни своего Я. Но въ царствѣ идей равновѣсіе необходимо, какъ и въ царствѣ природы.—Шеллингъ оправдалъ вѣрованіе въ запредѣльность міра.

ДАМА. И это было очень нужно.

ПРОФЕС. Я осталось единственною субстанціею въ идеализмѣ;—но это Я не есть, какъ полагалъ Фихте, субъективное Я; оно должно содержать все во

всемъ; оно можетъ быть только абсолютнымъ Я, заключающимъ въ себѣ всѣ возможные экзистенціи. Такимъ образомъ идеализмъ доходитъ до крайности, выходитъ внѣ самого-себя и вводитъ въ пантеизмъ. Натура и духъ перестаютъ быть чужды и противопоставлены другъ другу.

Дама. Это очень хорошо; я сама этого желаю. Страстно люблю обоихъ: и натуру и духъ. Не знаю, какъ ихъ представить себѣ иначе, какъ нераздѣльными.

Профес. Въ природѣ абсолютное бытіе не проявляется опредѣлительно; но тѣмъ не менѣе оно есть вѣчный разумъ.

Дама. Разумѣется.

Слуга (показываясь въ дверяхъ) Господинъ поручикъ пожаловали.

Дама (съ досадою) Вѣдь я приказывала никого не принимать!

Слуга. Господинъ поручикъ принесли новый образецъ альбома.

Дама (махая рукою). Откажи! (*Слуга уходитъ.*) Какъ это было объ абсолютномъ бытіи и вѣчномъ разумѣ? повторите, сдѣлайте одолженіе.

Профес. Въ природѣ абсолютное бытіе не проявляется опредѣлительно; но тѣмъ не менѣе оно есть вѣчный разумъ.

Дама. Понимаю. Дадѣе.

Профес. Но истинный разумъ тогда только есть разумъ, когда онъ имѣетъ сознание самого себя.—Такъ въ существѣ его есть необходимость выйти изъ мрака, въ которомъ онъ находится среди натуры. Такъ переходитъ онъ изъ одной области мышления въ другую, болѣе и болѣе приобретающая духовность, доколѣ блистательно отразится изъ человѣка и придетъ къ самопознанію.

Дама (звонитъ.—Слуга показывается). Чтѣ за шумъ въ передней?

Слуга. Господинъ поручикъ сказали, что не могутъ оставить здѣсь альбома.

Дама. Пусть унесетъ съ собою. Да скажи людямъ на дворѣ, чтобы тотчасъ перестали рубить дрова: шумъ беспокоитъ меня. Да чтѣ за стукъ тамъ, наверху?

Слуга. Обойщикъ прибываетъ карнизы къ новымъ обоямъ.

Дама. Прогони его; пусть завтра придетъ. (*Слуга уходитъ.*) Минуты нельзя имѣть покоя! Такъ на чемъ мы остановились?

Профес. Мы остановились на системѣ Фихте, усо-

вершенствованной Шеллингомъ. Вотъ такъ называемая натуральная философія!

Дама. О, прежде я восхищалась ею!

Профес. Послѣдованіе новой системѣ, которая обѣщала удовлетворить противорѣчащимъ требованіямъ здраваго смысла и разума, скоро перешло въ упоеніе. Теперь болѣе требуютъ аналогіи, нежели умственныхъ истинъ; въ науку втерся мистицизмъ; мы теряемся въ хаосѣ.

Дама. Изъ котораго, я надѣюсь, мы вышли.

Профес. Безъ сомнѣнія; съ помощью Гегеля, который теперь вступилъ на поприще и удовлетворилъ требованію умовъ, возвращеніемъ къ строгой системѣ. Сначала онъ не хотѣлъ основывать новую систему, желая только дать прочныя формы наукѣ.

Дама. А послѣ самолюбіе заставило его создать свою особенную систему,—это извѣстно. Мужчины такъ же тщеславны, какъ и мы женщины,—это такое замѣчаніе, которое можно сдѣлать, даже не участвуя философіи....

Профес. И которое собственно къ предмету нашему не относится.

Дама (съ досадою, въ сторону). Довольно невѣжливо! Если бы не мода слушать этого господина, я бы взяла того бѣлокуренькаго, который живетъ противъ меня и, долженъ быть, знаменитый философъ. (*громко*) Продолжайте!

Профес. (съ воодушевленіемъ). Логика Гегеля славнѣе всѣхъ логикъ. Она равно достойна удивленія и особенностью своею и глубиностью. Мощный, плодовитый геній Гегеля, переходя отъ одного отвлеченнаго понятія къ другимъ, прежде всѣхъ смѣло поднялся на недостижимую высоту, съ которой взглядъ погружается въ бездну. Нужна была неистощимая сила, чтобы оставаться въ этомъ отчужденіи отъ всѣхъ чувственныхъ воззрѣній. Его подвигъ ужасаетъ, какъ немилосердное умерщвленіе плоти.

Дама. Жаль, что я не видала Гегеля. Разъ какъ-то мнѣ показывали, на гуляньи, маленькую, уродливую фигурку, которая безпрестанно гримасничала, и сказали: вотъ знаменитый философъ Гегель! Однако послѣ я узнала, что это былъ помѣшанный конфетчикъ.

Профес. Гегель хорошо зналъ, что недостаточно исчислять нужнѣйшія идеи, какъ дѣлалъ это Кантъ; онъ не хотѣлъ слѣдить въ наукѣ этотъ эмпирический процессъ. Но какъ же достичь того?

Дама (зѣвая) Да, какъ?... вотъ вопросъ!

Профес. (съ живостію). Ясно: отвлеченнымъ поня-

тіемъ, котораго нельзя произвольно опредѣлить, но безъ котораго всякая идея была бы невозможна. Эта отвлеченная, мировая идея, необходимое уразумѣніе есть—бытіе!

Дама. Я такъ это и предвидѣла.

Профес. Истинно, сударыня. Сомнѣнію могутъ подлежать всѣ извѣстныя существа, а бытіе не можетъ быть отрицаемо само по себѣ, если оно не отрицаетъ само себя. Но это понятіе, остающееся за всѣми возможными отрицаніями, есть абсолютно неизвѣстное бытіе. А какъ оно не является ничего абсолютно неизвѣстнаго, слѣдовательно истинное бытіе есть ничто!

(*Дама опускается на диванную подушку и оказываетъ явные признаки чрезвычайнаго утомленія.*)

(*Голосъ изъ другой комнаты.*) Маман! какое платье надѣть мнѣ сегодня на балъ: желтое или голубое?..

Дама (какъ бы пробудясь отъ сна). Не надѣвай абсолютнаго! (*Хохотъ въ другой комнату.*)

Профес. Въ этой системѣ находимъ рѣдкое въ системахъ открытіе....

Дама (вновь сдѣлавшись внимательною). Открытіе?.. какое? скажите скорѣе.

Профес. Сдѣлаемъ напередъ одно замѣчаніе. Безконечное отдѣляли отъ конечнаго; въ такомъ случаѣ безконечное не заключаетъ въ себѣ конечнаго; конечное остается внѣ его.

Дама (вновь опускается на софу). Положимъ!

Профес. (продолжая). Слѣдовательно безконечное не есть уже все; оно становится ограниченнымъ, конечнымъ. Наоборотъ, отдѣляли конечное отъ безконечнаго; чрезъ чтѣ конечное должно само изъ себя опредѣляться, слѣдовательно оно должно удовлетворять самого себя: чтѣ себя удовлетворяетъ, то безусловно; итакъ, конечное будетъ безконечнымъ.

(*Дама не отвѣчаетъ болѣе, углубясь въ свои мечты.*)

Профес. Если бы мнѣ предоставленъ былъ выборъ: я изъ всѣхъ основныхъ положеній избралъ бы то, въ силу котораго противное изъ противнаго проистекаетъ.

Дама. Я бы выбрала зеленый переплетъ. Зеленое съ золотомъ красивѣе, чѣмъ красное съ золотомъ.

Профес. Оттого выходитъ двойное затрудненіе.

Дама... Видѣ замка можно въ миниатюрѣ вырѣзать на стали....

Профес. (съ изумленіемъ смотря на даму). Вырѣзать на стали?...

Дама (также смотря на него съ удивленіемъ). Чтѣ вы говорите?

Профес. Чтѣ вы сказали?

Дама. Я?... Ничего!

Профес. Мнѣ показалось, что вы сказали что-то.

Дама. Ни полслова. Да! сдѣлайте одолженіе, объясните мнѣ, только какъ можно короче: Шеллингъ или Гегель лучше?

Профес. Мы теперь пришли къ опредѣленію этого.

Дама. Это идетъ такъ медленно; мнѣ нужно только: да или нѣтъ?

Профес. Это мы сейчасъ разрѣшимъ.

Дама (въ сторону). Я выхожу изъ терпѣнія!

Профес. Абсолютный разумъ проявляется въ трехъ видахъ: искусствѣ, морали и философіи. Это суть, слѣдуя Гегелю, три великія эпохи исторіи абсолютнаго.

Слуга (показываясь въ дверяхъ). Господинъ поручикъ опять пожаловали и приказали узнать, не могутъ ли они показать альбомъ черезъ часъ?

Дама (съ большою живостію). Нѣтъ, теперь же. Скажи, что мнѣ очень пріятно будетъ принять его. (*Слуга уходитъ.*) Добрый, услужливый мальчикъ, такъ много старается угодить мнѣ! (*Обращаясь къ профессору, съ холодною учтивостію.*) Не угодно ли вамъ будетъ окончить лекцію. Весьма нужное дѣло заставить меня на этотъ разъ ранѣе обыкновеннаго отложить это интересное ученіе.

Профес. А я только-что хотѣлъ объяснить вамъ главныя положенія Гегеля.

Дама. Главныя предложенія! О, какъ досадно, что я именно теперь отвлечена! Чрезвычайно хотѣла бы я услышать эти главныя предложенія.... Если бы вы скорѣе сказали мнѣ: кому отдать преимущество, Гегелю или Шеллингу? Мнѣ надо это знать: сегодня вечеромъ, на балѣ, будетъ объ этомъ разговоръ.

Профес. Абсолютное не изясняется такъ скоро.

Дама (въ сторону). Я попрошу къ себѣ бѣлокуренькаго. (*Вслушъ*) И такъ досвѣданія, господинъ профессоръ.

Слуга (докладываетъ). Господинъ поручикъ!

(*Профессоръ поспѣшно уходитъ.*)

(*Голосъ изъ другой комнаты.*) Маман! я надѣну желтое платье.

Русская История.

ВОСПОМИНАНИЯ

ГРАФЪ СПЕРАНСКОМЪ.

Пишемъ настоящую статью не столько для современниковъ, сколько для потомства. Какое самолюбивое и хвастливое начало! скажутъ читатели; но мы сейчас же объяснимся и оправдаемся. Мы сами много разъ испытывали радость найти какія-нибудь неизвѣстныя подробности объ историческомъ лицѣ, которое жило до насъ лѣтъ за сто. Этотъ собственный опытъ навелъ насъ на мысль или, вѣрнѣе сказать, на мечту, что въ 1944 году какой-нибудь русскій историкъ или археологъ неожиданно найдетъ на пыльной полкѣ библиотеки пыльный номеръ Сына Отечества, внимательно прочтаетъ нашу статью о графѣ Сперанскомъ и тотчасъ же употребитъ ее въ дѣло при сочиненіи вѣрной и полной биографіи государственнаго мужа, которымъ имѣетъ право гордиться не одна Россія, но все человечество. Нѣкоторымъ, слабымъ тому доказательствомъ можетъ служить очеркъ его жизни, напечатанный, въ 1840 году, въ извѣстномъ германскомъ журналѣ: Allgemeine Zeitung. Этотъ очеркъ, не смотря на свою краткость и нѣкоторыя, маловажныя ошибки, отличается главнымъ достоинствомъ всякаго сочиненія: безпристрастіемъ и истиной. Сообщаемъ его въ переводѣ.

«Въ началѣ 1839 года, скончался въ Петербургѣ государственный человекъ, котораго жизнь принадлежитъ необыкновеннымъ явленіямъ въ исторіи. Кто видѣлъ всеобщее участіе, возбужденное его кончиною, тотъ долженъ былъ понять, даже не зная покойнаго, что это такой ударъ, которому сочувствуетъ цѣлое государство. Мы говоримъ о смерти Графа Сперанскаго.

Сперанскій обязанъ былъ судьбѣ однимъ высокими способностями, уточненною организаціей души и многими тяжкими испытаніями; но самому себѣ обя-

занъ онъ всѣмъ, чего достигнулъ: безъ состоянія, безъ связей, безъ покровительства вышелъ онъ на поприще жизни, подкрѣпляемый однимъ неутомимымъ прилежаніемъ и непоколебимымъ нравственнымъ мужествомъ, съ рѣшительною твердостью воли, съ которою соединялась однакожъ мягкость и кротость характера. Дѣятельнѣйшая духовная жизнь, разцвѣтающая въ новѣйшее время въ Россіи, и слабѣющая за границею, всегда съ признательностію обращаетъ взоръ на творческое вліяніе Сперанскаго, который, обладая самъ глубокою ученостію, покровительствовалъ и поощрялъ наукамъ. Примѣръ его одушевилъ не одно дарованіе, возстановилъ не одно унывающее мужество.

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, сынъ сельскаго священника Владимірской губерніи, родился въ 1774 году; родовое прозваніе его было Грамотинъ, но, по обычаю Духовенства русскаго, въ семинаріи, гдѣ получилъ онъ первое образованіе, переименовали его Сперанскимъ, заимствовавъ это новое прозваніе отъ надеждъ, возбужденныхъ отличными способностями юноши. Ранніе успѣхи проложили ему путь въ С.-Петербургскую Духовную Академію, гдѣ онъ такъ ревностно продолжалъ свое ученіе, что на двадцать первомъ году самъ уже сдѣлался профессоромъ Физики и Математики. Академическая его извѣстность распространилась въ скоромъ времени и возбудила въ Князѣ Александрѣ Борисовичѣ Куракинѣ желаніе опредѣлить его при себѣ домашнимъ секретаремъ. Сперанскій, по разнымъ причинамъ, долженъ былъ принять это мѣсто, и сохранилъ его за собою и при восшествіи на Престолъ Императора Павла. Князь Куракинъ назначенъ былъ Генераль-Прокуроромъ, и съ того времени Сперанскій рѣшительно промѣнялъ духовное поприще на гражданское. Это было тогда почти неслыханною рѣдкостію. Вскорѣ достигъ онъ чина Статскаго Совѣтника, и не лишился своего значительнаго вліянія и при смѣнѣ Куракина Княземъ Лопухинимъ, а потомъ при генераль-прокурорахъ Беклешевѣ и Оболеншиновѣ.

По вступленіи на Престолъ Императора Александра I-го, онъ опредѣлился Членомъ въ Комиссію снабженія Санктпетербурга хлѣбомъ. Этотъ неожиданный шагъ на его поприщѣ, повидимому, должно приписать одному желанію выждать въ сторонѣ, чѣмъ копчатся всеобщія перемѣны, которыя тогда возникли; между тѣмъ онъ подаетъ намъ поводъ указать на замѣчательную черту личности

Сперанскаго,—на его чрезвычайную многосторонность. Едва-ли есть отрасль дѣятельности общественной, гдѣ бы не трудился, гдѣ не отличался бы этотъ человекъ. Такая способность ко всему была отчасти плодомъ точнаго раздѣленія и самаго добросовѣстнаго употребленія времени. И въ позднѣйшіе годы, когда онъ былъ уже самъ душою важнѣйшихъ дѣлъ государственныхъ, онъ постоянно, съ самаго ранняго утра до полудня, занимался дѣлами службы, а все остальное время дня посвящалъ умозрительнымъ занятіямъ, особенно по части Математики, Философіи и государственныхъ наукъ. Отъ этого, онъ всегда стоялъ наравнѣ съ успѣхами образованности европейской.

Вскорѣ былъ онъ опредѣленъ Директоромъ при Министрѣ Удѣловъ, Троицинскомъ, въ 1801 году пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники и причисленъ въ званіи Статсъ-Секретаря къ Государственному Совѣту. Потомъ испросилъ его себѣ въ Директоры Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Графъ Кочубей, и Сперанскому открылось тогда необозримое поле общественной дѣятельности. Своимъ удивительнымъ даромъ къ организаціи онъ дѣйствовалъ благотворно во всѣхъ направленіяхъ, стараясь на мѣсто злоупотребленій водворять вездѣ общепользныя порядки и замѣнять личный произволъ правилами законности. Поистинѣ удивительно, что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Сперанскій: важнѣйшіе акты того времени всѣ почти писаны его перомъ. При этомъ оказалъ онъ еще важную побочную услугу, преобразовавъ русскій канцелярскій слогъ, который дошелъ до крайней запутанности. Все, что ни писалъ Сперанскій, даже и по обыкновеннымъ дѣламъ, было образцомъ прекраснаго изложенія. Вскорѣ, подъ руководствомъ Графа Кочубея, устроилъ онъ тогдашнее Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, учрежденіе котораго послужило образцомъ и для другихъ Министерствъ. Въ 1808 году былъ онъ назначенъ Предсѣдателемъ Комиссіи Составленія Законовъ, которая подъ управленіемъ его получила новую жизнь и въ-послѣдствіи поставлена была въ возможность окончить съ удивительною быстротою давно возложенное на нее дѣло. При назначеніи его Товарищемъ Министра Юстиціи, поручено ему все управленіе надъ Абовскимъ Университетомъ. Онъ содѣйствовалъ къ сохраненію мѣстныхъ учреждений и преимуществъ Великаго Княжества, но отказался отъ дипло-

ма на Финляндское дворянство, который былъ ему предложенъ. Мнѣнія его объ улучшеніи способа преподаванія въ Россіи, о приращеніи училищныхъ капиталовъ, о введеніи новой финансовой системы, о новомъ образованіи Государственнаго Совѣта, который получилъ значеніе общаго высшаго Министерства, и наконецъ о новомъ учрежденіи для всѣхъ Министерствъ, — всѣ эти мнѣнія, послѣ многостороннихъ изслѣдованій, были приняты и употреблены въ дѣло. Сперанскій, въ званіи Государственнаго Секретаря, былъ тогда душою Государственнаго Совѣта, и только этимъ объясняется, какъ могъ онъ успѣть въ столь разнообразныхъ предпріятіяхъ. Мнѣе, чѣмъ въ два года, приведена имъ въ порядокъ система податей, изслѣдованъ и установленъ бюджетъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, учрежденъ капиталъ погашенія долговъ, изъята изъ обращенія значительная часть ассигнацій, введена новая монетная система, изданъ общій тарифъ и составленъ планъ преобразованія Сената. Принадлежащія къ тому же времени: опредѣленіе мѣщанскихъ и крестьянскихъ повинностей, устройство Полиціи въ столицахъ и прочихъ городахъ, собраніе матеріаловъ для Статистики Россіи, образованіе рекрутскихъ округовъ, правила и формы для губернаторскихъ и министерскихъ отчетовъ, постановленія о дорогахъ и свободныхъ хлѣбопашцахъ,—все это составляетъ въ Архивѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ замѣчательное собраніе образцовыхъ трудовъ Сперанскаго. Сверхъ-того подъ его руководствомъ продолжалось исправленіе Гражданскаго, Уголовнаго и Торговаго Законодательства.

Среди этихъ неимовѣрныхъ трудовъ, еще въ 1809 году, онъ былъ награжденъ чиномъ Тайнаго Совѣтника; но въ то самое время, когда собиралась надъ Россіею грозная туча Отечественной войны, завистники и недоброжелатели Сперанскаго нашли случай удалить его отъ Престола. Онъ жилъ сперва въ Нижнемъ-Новгородѣ, потомъ въ Перми; но и здѣсь не оставили его ни внутреннее спокойствіе, ни нравственное мужество, ни трудолюбіе. Переворотъ судьбы только сообщилъ жизни его болѣе созерцательное направленіе, и Сперанскій возвратился къ занятіямъ своей юности: переводилъ съ латинскаго на русскій языкъ книгу: «О подражаніи Христу, Оомы Кемпійскаго,» и дѣлалъ извлеченія изъ прочихъ сочиненій того же автора. Онъ основательно изучилъ еврейскій языкъ, до-тѣхъ поръ изъ-

вѣстный ему только въ первыхъ началахъ. Въ то же время списалъ онъ мало-по-малу привычку, которой не оставлялъ и въ-послѣдствіи, размышлять съ перомъ въ рукахъ и немедленно записывать выводы своихъ соображеній; это счастливое обстоятельство сохранило для потомства богатое сокровище мыслей знаменитаго государственнаго чловѣка. Наконецъ было ему разрѣшено переѣхать въ его новгородскую деревню, гдѣ половину времени посвящалъ онъ богословскимъ и философскимъ занятіямъ, а другую половину воспитанію дочери. Заботливость его объ ней была щедро вознаграждена: признательная дочь служила ему потомъ не только утѣшеніемъ, но даже другомъ; она и послѣ замужства только въ случаѣ крайности оставляла его на самое короткое время.

Черезъ четыре года по удаленіи отъ службы, Сперанскій назначенъ Пензенскимъ губернаторомъ. Здѣсь, втеченіи трехъ мѣсяцевъ, выучился онъ нѣмецкому языку такъ хорошо, что могъ читать и объяснять Клопштока и Шиллера; съ тѣхъ поръ онъ постоянно слѣдилъ за всѣми главными явленіями нѣмецкой литературы. Вообще онъ былъ чрезвычайно силенъ въ языкознаніи. Кромѣ отечественнаго языка, которому онъ оказалъ значительную услугу, латинскимъ и французскимъ владелъ онъ вполне, и сверхъ-того былъ коротко знакомъ съ англійскимъ, нѣмецкимъ, греческимъ и еврейскимъ.

Въ 1819 году послѣдовало назначеніе его въ Генералъ-Губернаторы всей Сибири. Казалось, само Провидѣніе послало этому чловѣку тяжкій искусь, чтобы еще болѣе приспособить его къ рѣшенію великой задачи, тогда ему представившейся. Въ-теченіи двухъ лѣтъ вышло изъ-подъ его рукъ новое устройство Азіатской Россіи, устройство, которое существуетъ до сихъ поръ и, конечно, просуществуетъ еще долго. Дальнія путешествія, которыя предпринималъ онъ въ это время, — переѣзды въ Иркутскъ, въ Нерчинскъ, и до Китайской границы, представляли ему и здѣсь досугъ для занятій науками.

По совершеніи великаго подвига въ Сибири, въ 1821 году былъ онъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ Императоръ Александръ Павловичъ удостоилъ его самаго милостиваго приѣма и назначилъ Членомъ Государственнаго Совѣта и Сибирскаго Комитета: но дѣятельность Сперанскаго ограничивалась съ тѣхъ поръ однимъ исполненіемъ текущихъ дѣлъ.

Царствующій Императоръ, при самомъ вступленіи Сво-

емъ на Престолъ, вѣрилъ руководству Сперанскаго труда Комиссіи составленія Законовъ, которая Указомъ 31-го Января 1826 года переименована Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Канцеляріи Его Величества, и съ того времени одушевилась новой жизнью и новой ревностью къ скорѣйшему достиженію предположенной цѣли. Известно, какой исполинскій подвигъ совершила Комиссія въ теченіе немногихъ лѣтъ, животворимая Высочайшимъ вниманіемъ Императора и руководимая въ трудахъ своихъ прозорливою опытностью русскаго Требопана.

Въ то же время Сперанскій принималъ участіе въ дѣлахъ Духовныхъ Училищъ: сироты духовныхъ лицъ пользуются съ тѣхъ поръ и лучшимъ надзоромъ, и лучшимъ образованіемъ. Одна мысль его обратилъ свѣчяныя деньги, собираемыя въ церквяхъ, на пользу Духовныхъ Училищъ, одна эта счастливая мысль представляетъ обильный источникъ самыхъ благотворныхъ слѣдствій въ будущемъ.* Наконецъ, Сперанскій удостоился чести преподавать основанія Законовѣдѣнія Наслѣднику Престола.

Въ признательность къ столь многимъ и разнообразнымъ заслугамъ, Государь Императоръ въ началѣ 1839 года возвелъ его въ Графское достоинство, но онъ не долго пользовался этимъ знакомъ Монаршаго благоволенія, и 11-го Февраля, новый припадокъ, послѣдовавшій за выздоровленіемъ отъ тяжкой болѣзни, поразили его среди важныхъ дѣлъ государственныхъ, на самомъ полѣ гражданской чести.

Послѣдніе дни его, какъ и вся жизнь, были полны дѣятельности, яснаго спокойствія и самыхъ нѣжныхъ попеченій; съ улыбкою ожидалъ онъ кончины, въ которой видѣлъ только легкій переходъ къ бытію совершеннѣйшему. Многолетняя жизнь его продолжалась около семидесяти лѣтъ.**

Каждый былъ глубоко растроганъ смертію этого чловѣка, когда черезъ нѣсколько дней торжественныя похороны его приближались къ Александро-Невской Лаврѣ, первому приюту его молодости въ столицѣ, — когда тѣло его внесли подъ позолоченнымъ балдахомъ

* Здѣсь авторъ ошибается. Образованіе Духовныхъ Училищъ и обращеніе, въ ихъ пользу, свѣчнаго сбора послѣдовало гораздо ранѣе, а именно въ 1808 году. Ред. С. О.

** Покойному Графу минуло 1 января 1839 года 68 лѣтъ, слѣдовательно онъ скончался въ началѣ 69 года своей жизни.

номъ въ тѣ самыя ворота, куда за полвѣка прежде вступилъ онъ бѣднымъ, невѣдомымъ, беззащитнымъ юношей, — съ одними своими отличными дарованіями и съ благородною самоувѣренностью въ душѣ!

Сперанскій былъ не только основательный ученый и великій государственный саповникъ, онъ былъ вмѣстѣ и прекрасный чловѣкъ. При всей простотѣ въ обхожденіи, онъ увлекалъ всѣхъ своей личностью: наружность его сама по себѣ была пріятна, но выраженіе какого-то радушнаго достоинства сообщало ей особенный интересъ: къ этому присоединялся еще рѣдкій даръ слова, который дѣлалъ Сперанскаго средоточіемъ тѣхъ круговъ, куда онъ являлся.

Мягкость его характера, его благородное самообладаніе всего лучше проявились въ несчастіи, которымъ постигла его несповѣдимая судьба. Во все это время не вырвалось у него ни одного слова противъ оклеветавшихъ его недруговъ; со слезами на глазахъ молилъ онъ себѣ силы свыше, чтобы простить имъ отъ глубины души, и въ-послѣдствіи никогда не помышлялъ о мести.

Сперанскій былъ женатъ только одинъ разъ. На 28-мъ году жизни избралъ онъ себѣ въ подруги одну Англичанку, и черезъ годъ потерялъ ее, въ-слѣдствіе несчастнаго случая, котораго смертельность обнаружилась вскорѣ послѣ родовъ. Всю нѣжность свою обратилъ онъ тогда къ единственной дочери, вступившей потомъ въ супружество съ Сенаторомъ Фроловымъ-Багрѣвымъ. У него былъ одинъ только братъ, чловѣкъ также весьма даровитый; но и тотъ, послѣ кратковременной службы по гражданскому вѣдомству, умеръ безъ потомковъ. Неужели имя Графа Сперанскаго исчезнетъ навсегда въ Русскомъ Государствѣ?»

Къ этому біографическому очерку, мы прибавимъ нѣсколько подробностей о покойномъ графѣ, намъ извѣстныхъ. Авторъ очерка пишетъ, что графъ, во время пребыванія своего въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Перми, списалъ мало-по-малу привычку размышлять съ перомъ въ рукахъ и немедленно записывать выводы своихъ соображеній. Авторъ ошибается. Привычку эту имѣлъ уже графъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ его. Однажды говоря объ этомъ со мною, подарилъ онъ мнѣ собственноручную тетрадь, въ 1795 году писанную. Графъ родился 1 января 1771 года, слѣдовательно ему было 24 года отроду, когда онъ, въ свободное отъ дѣлъ время, записывалъ размышленія свои

въ эту тетрадь. Заглавіе ея: *Досуги*. Сверхъ заглавія подписано: 1795, *Сентябрь*. Эта надпись показываетъ, что и въ другіе мѣсяцы у графа были подобныя тетради. Подвѣмся съ нашими читателями этою, во многихъ отношеніяхъ, примѣчательною драгоценностью.

1795.

ДОСУГИ.

Сентябрь.

Тотъ кто докажетъ, что сущность всѣхъ твореній состоитъ въ томъ, чтобы они раскрывались постепенно; что раскрытіе ихъ способностей требуетъ извѣстнаго и постояннаго времени; что наконецъ сіе раскрытіе не можетъ иначе совершиться, какъ собственнымъ и часто горестнымъ опытомъ: тотъ рѣшитъ всѣ споры нравственные и откроетъ цѣлую половину природы чловѣка.

Чтобъ приступить къ сему великому вопросу съ нѣкоторымъ успѣхомъ, должно разыскать:

I, Начало творенія—предварительные вопросы, сюда входящіе, суть а) истинное понятіе вѣчности; б) понятіе начала и зависимости; в) понятіе основы существъ (substantia).

II, Отношеніе твореній къ творцу, и существенную разность между ими. — Истинное понятіе о Богѣ. — Когда всѣ сіи изслѣдованія приведутъ насъ къ положительной сторонѣ проблемы: тогда должно будетъ разыскать:

III, Въ какой эпохѣ совершенства стоитъ родъ чловѣчскій на землѣ? Измѣрить разстояніе его отъ высшей точки совершенства—по тѣлесному устройенію, по страстямъ, разуму, и проч.

IV, Изъ сего рѣшатся частные вопросы, о добродѣтели, объ удовольствіи, совершенствѣ, красотѣ, добротѣ характера, о счастіи, о законахъ и проч., въ двухъ смыслахъ: совершенномъ—въ разсужденіи вселенной, и относительномъ—въ разсужденіи того мѣста, на которомъ мы стоимъ.

Къ догадкамъ о истинн. знамен. чел. во вселенной.

Всякой судить о счастіи по своимъ понятіямъ. Понятія строятся опытомъ, временемъ, состояніемъ. Есть ли возможность понять будущее? Воображеніе самое сильное ничего не творитъ вновь, но все переливаетъ въ формы, прежде опытомъ и чувствами приготовленныя. — Отсюда непрерывное сходство и единообразіе даже въ томъ, что называютъ оригинальнымъ.

Разность между черною и философомъ въ семь мѣрѣ состоитъ только въ томъ, что чернь дѣлаетъ глупости съ важностію, а философъ со смѣхомъ.

Кто пойметъ, какимъ образомъ дѣти, воспитанныя въ различныхъ обстоятельствахъ, съ разными повидному дарованиями и характерами, въ совершенномъ возрастѣ сходятся однакожь на одной и той же чертѣ: тому не трудно будетъ уразумѣть, какимъ образомъ люди съ разнымъ расположеніемъ мыслей, съ разными родами ума, встрѣтятся наконецъ все въ одномъ мѣстѣ и придуть къ счастью въ одно время.

Какое зрѣлище для народа увидѣть въ первый разъ сіи могущественные пружины, кои нѣсколько вѣковъ непостижимымъ для него образомъ двигали его волю! узрѣть сіе великое колесо правленія, что обращаясь на таинственной оси возвышало и низвергало съ собою счастье милліоновъ! Если можно что-нибудь представить разительнѣе и великолѣпнѣе сего вида, — это есть, ставъ въ центрѣ міра, смотрѣть на все силы двигнутой природы и видѣть ходъ вселенной!

О сердце! сердце! кто знаетъ чего ты хочешь? То, что называютъ въ семь случаѣ сердцемъ, есть нравственное чувство добра и зла, есть природа, есть привычка перваго воспитанія. — Сколько темныхъ и непонятныхъ словъ, чтобъ означить одну простую вещь! Когда говорятъ о человѣкѣ, что онъ дѣлаетъ добро *по чувству*, а не по размышленію; что онъ расположенъ къ добру *природою*; что онъ имѣетъ *доброе сердце*, — подъ всеми сими выраженіями что разумѣютъ? Одно и тоже: разумѣютъ *добраго человека безъ начала, безъ правилъ*.

Къ чему вводитъ новыя и химерическія способности въ природу человѣка? — Разумъ и самолюбіе все изясняютъ. И сія прѣжная душа, поражающаяся первымъ взглядомъ несчастнаго, и сіе важное, размышляющее существо, взвѣшивающее обстоятельства и не прежде рѣшающееся на добродѣтель, какъ измѣривъ се и приложивъ къ своимъ началамъ, движутся однимъ и тѣмъ же разумомъ. — Все различіе состоитъ только въ томъ, что правила перваго механическимъ упражненіемъ превращены въ привычку, а правила втораго непрерывнымъ дѣйствіемъ размышленія сохранили начальный свой видъ. — Первый рано началъ дѣлать добро, дѣлалъ его безъ размышленія, привыкъ къ нему, при-

выкъ быть чувствительнымъ и не примѣтивъ какимъ образомомъ укрѣпляясь въ немъ сія привычка; онъ не знаетъ ея рожденія, не знаетъ начальныхъ стихій, изъ коихъ она составила, и почитаетъ особеннымъ свойствомъ души своей, называя ее то прѣжнымъ *чувствомъ*, то *добротою сердца*, то *природнымъ расположеніемъ къ добру*. — Второй можетъ быть столь же часто упражнялъ силы души своей въ добрѣ, сперва слабо и безъ познанія ихъ: потомъ съ размышленіемъ; отдѣлилъ чувствованія свои, нашелъ источникъ ихъ въ воображеніи и самолюбіи, открылъ таинственную игру сихъ способностей въ нашихъ впечатлѣніяхъ, подчинилъ ихъ разуму, постановилъ имъ правила и съ сей минуты началъ дѣлать добро *по началамъ*. — То, что называютъ *человѣкомъ чувствительнымъ*, есть родъ машины, не понимающей хода собственныхъ колесъ своихъ; но человѣкъ *добрый по началамъ* не только знаетъ что онъ чувствуетъ, но знаетъ вмѣстѣ, что онъ долженъ чувствовать такъ, а не иначе, по природѣ своихъ способностей — тотъ и другой равно могутъ быть добры. — Но первый можетъ обмануться въ природѣ своихъ чувствованій; ибо не знаетъ ихъ начала и не умѣетъ повѣрить ихъ истинными отношеніями души его къ предметамъ: а другой можетъ охладить чувствованія размышленіемъ и пропустить важную минуту, въ которую должно дѣйствовать. — Видали ли вы двухъ математиковъ, изъ коихъ одинъ дѣлаетъ выкладки по привычкѣ, другой по правиламъ и размышленію? — Вотъ образъ человѣка чувствительнаго и человѣка съ началами. — Повторимъ еще: человѣкъ чувствительный есть машина, заведенная воспитаніемъ, идущая по привычкѣ и безъ размышленія о причинахъ ее движущихъ. — Кто знаетъ: тѣ ли пружины напрягаютъ ея дѣйствія, которыя предуставлены къ сему концу, или вмѣсто ихъ дѣйствуютъ другія, кто это знаетъ? — и между тѣмъ *la machine va, et l'homme deraisonne quelquefois publiquement*. *

Тронуть сердце, возбудить чувство въ краснорѣчій значитъ тоже, что подвинуть страсти — но страсти основываются на чувствительности и воображеніи, и слѣдовательно на первыхъ привычкахъ воспитанія. — Такимъ образомъ все выраженія сего рода можно привести къ одному началу.

* То есть: «Машина движется, и часы иногда говорятъ вздоръ публично.»

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

К р и т и к а .

Давно ли въ одномъ журналѣ, нѣсколько сряду лѣтъ усердно доказывали, что русской литературы не было и нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ; что она не болѣе, какъ мнотъ, призракъ, ничто. И вотъ, теперь, въ другомъ журналѣ, называемомъ *Литературною Газетою*, провозглашаютъ что у насъ существуютъ четыре литературы: 1) *копѣчная*, 2) *промышленная*, 3) *старческая*, и 4) *только-что возникающая, но болѣе плодотворная и жизненная, чѣмъ все остальныя*. Можетъ быть, вы не понимаете такого мудренаго раздѣленія и опредѣленія четырехъ русскихъ литературъ, вдругъ возникшихъ изъ небытія, въ началѣ нынѣшняго 1844 года? Можетъ быть, этотъ новый взглядъ, это новое воззрѣніе кажутся вамъ уже чрезчуръ новыми? Все ваши недоумѣнія мы сей часъ разрѣшимъ, и вы увидите ясно сущность непонятныхъ выше четырехъ литературъ. Вотъ какъ опредѣляютъ ихъ новѣйшіе эстетикки. *Копѣчная литература* дышитъ гнилымъ воздухомъ сырыхъ и темныхъ подваловъ, съ безпечной наглостію подходитъ къ лицу, извѣстному ей своею слабостію на счетъ литературы, вынимаетъ у него изъ кармана нѣсколько грошей, засовываетъ, вмѣсто нихъ, свое грязное издѣліе, и убѣгаетъ съ громкимъ хохотомъ, потомъ заходитъ въ заведеніе, оставляетъ тамъ вырученныя деньги и запасается матеріалами для новаго издѣлія. *Литература промышленная* есть та, которой нѣтъ дѣла до искусства и до науки; она даже не понимаетъ ихъ хорошенко и не пойметъ, пока ей кто-нибудь порядочно не заплатитъ. (Объщаемся порядочно заплатить тому, кто пойметъ это удивительное опредѣленіе.) Ей мало посылной данн, которую съ такимъ усердіемъ кладетъ на алтарь просвѣщенія публика, одѣвающаяся въ решменскіе армяки и дубленые полушубки; она знакома съ утопченнымъ комфортомъ жизни и хочетъ, во что бы ни стало, ѣздить въ своемъ экипажѣ, сидѣть на гамбовыхъ креслахъ, пить шампанское и играть въ преферансъ по большой. И вотъ она ухватилась за публику побогаче и потороватѣе, публику странную, разнохарактерную, иногда очень умную, иногда простоватую, но всегда въ высшей степени доверчивую, добрую и снисходительную. И горе ей, бѣдной, доверчивой публикѣ!

(Дѣйствительно горе! Каково ей прочитавъ подобныя комплименты и такія превосходныя, новѣйшія опредѣленія четырехъ русскихъ литературъ.) *Литература старческая* менѣе предосудительна по своимъ цѣлямъ, но въ высшей степени жалка, смотритъ на вещи глазами добраго стараго времени, проповѣдуетъ старыя идеи по поводу новыхъ фактовъ и съ ожесточеніемъ предастъ аподемъ все новое и лучшее. Наконецъ, четвертая русская литература, извѣстная подъ названіемъ *«только-что возникающей, но болѣе плодотворной и жизненной, чѣмъ все остальныя»*, есть та, которая едва ли можетъ насчитать съ десятокъ истинныхъ представителей. (Само собою разумѣется, что въ числѣ этихъ истинныхъ представителей занимаетъ почетное мѣсто сочинитель разбираемой нами критическо-эстетической статьи.) Объ этой четвертой литературѣ критикъ пишетъ: «Съ великодушнымъ самоотверженіемъ, ради благой и далекой корыстныхъ разсчетовъ цѣли, одушевленная высокими началами Великаго Преобразователя Россіи, избрала она путь тернистый и трудный, ведущій къ достиженію вѣчной и святой истины, къ осуществленію на землѣ идеала, и медленно, но твердо и самоотстоятельно шествуетъ по своему пути, *невидимо* подвигая впередъ общественное образованіе.»

Не правда ли, что вы до сихъ-поръ и не подозревали, что литература въ состояніи дѣлать такія неслыханныя чудеса? Она дышитъ гнилымъ воздухомъ подваловъ, заходитъ въ заведеніе, оставляетъ тамъ вырученныя деньги, запасается тамъ матеріалами, понимаетъ искусство и науки, когда ей порядочно заплатятъ, ухватывается за публику, смотритъ на вещи глазами добраго стараго времени, предастъ аподемъ все новое и лучшее, съ великодушнымъ самоотверженіемъ избираетъ путь тернистый и трудный, ѣздитъ въ своемъ экипажѣ, и медленно, но твердо и самоотстоятельно шествуетъ по своему пути, сидитъ на гамбовыхъ креслахъ, достигаетъ вѣчной и святой истины, пьетъ шампанское, стремится къ осуществленію на землѣ идеала, играетъ въ преферансъ по большой (по три копейки серебромъ, ни какъ не меньше) и такимъ образомъ *невидимо* подвигаетъ впередъ общественное образованіе. И хорошо, что *невидимо*! Избави Богъ отъ образованія, которое пишетъ такимъ надутымъ, натянутымъ, ужаснымъ слогомъ, и притомъ подобную безтолковщину выдаетъ за новыя идеи, за новыя воззрѣнія! Неужели истинные представители литературы «только-что возникающей, но болѣе

плодотворной и жизненной,» не умѣютъ писать лучше этого.

Почтенный критикъ и истинный представитель литературы, опредѣливъ «элементы, изъ которыхъ она состоитъ,» обозрѣваетъ потомъ замѣчательнѣйшія явленія русской словесности за 1843 годъ. Поговоривъ кое-что о Державинѣ и назвавъ стихотворенія его не болѣе какъ «фактомъ историческаго развитія русской поэзіи,» критикъ указываетъ, какъ на особую достопримѣчательность, на поэму Лермонтова, напечатанную въ *Отечественныхъ Запискахъ*: «Измаилъ-Бей,» существованія которой дотолѣ никто и не подозрѣвалъ, по словамъ критика. Читая эту поэму, никакъ не подозреваешь, что ее писалъ Лермонтовъ. Но вѣроятно, — продолжаетъ критикъ, — еще сильнѣе была изумлена и обрадована публика появленіемъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* восьми новооткрытыхъ стихотвореній Лермонтова. Изумлена и обрадована?... Гдѣ же это, когда? Мы что-то не замѣтили. Критикъ самъ сказалъ, что публика всегда въ высшей степени доверчива. Для-того, чтобы возобновить изумленіе и радость публики, критикъ выписываетъ изъ новооткрытыхъ, самыхъ зрѣлыхъ и блестящихъ, по его словамъ, стихотвореній Лермонтова слѣдующее произведеніе, которое называетъ художественно-прекраснымъ.

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ.

Вы тотчасъ слышите, что это ужъ не Державину чета. Въ глубокой тѣснинѣ, гдѣ роется Терекъ во мглѣ, стояла башня, чернѣя на черной скалѣ. Рѣка роется во мглѣ — воля ваша! это выраженіе насъ не радуется нисколько и не изумляетъ. Кабанъ или червякъ имѣютъ право рыться во мглѣ и при дневномъ свѣтѣ, въ стихахъ и прозѣ, но Терекъ вовсе не похожъ ни на червяка, ни на кабана. Если можно изумиться и обрадоваться стиху: *чернѣя на черной*, то должно прійти въ совершенный восторгъ, если кто нибудь напишетъ: *краснѣя на красной, желтѣя на желтой, и зеленѣя на зеленой*, или сочинить стихи въ этомъ родѣ:

И листъ зеленѣетъ на вѣткѣ зеленой,
И краска краснѣетъ на красной щекѣ.

Но обратимся къ черной башнѣ, чернѣющей на черной скалѣ.

Въ той башнѣ высокой и тѣсной
Царица Тамара жила,

Прекрасна какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ коварна и зла.

Хорошъ ангелъ! Если тутъ не обрадуешься, то по крайней-мѣрѣ изумишься.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи
Блесталъ огонекъ золотой,
Кидался онъ путнику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ ночной.

И слышался голосъ Тамары:
Онъ весь былъ желанье и страсть;
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непопаятная власть.

На голосъ невидимой пѣри
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ;
Предъ нимъ отворялися двери,
Встрѣчалъ его мрачный свухъ.

На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостя, Шипѣла
Предъ нею два кубка вина.

Здѣсь вся литература, которая пьетъ шампанское и играетъ въ преферансъ по большой, по неволѣ прійдетъ въ восторгъ и изумится. Можно ли ожидать послѣ встрѣчи мрачнымъ свухомъ, въ мрачную полночь, на черной скалѣ, въ черной башнѣ, у чернаго демона, двухъ кубковъ свѣтлаго, шипящаго вина, если всякаго сомнѣнія, шампанскаго! Притомъ замѣтите, что въ гости къ Тамарѣ имѣютъ право ходить одни воины, купцы всѣхъ трехъ гильдій и пастухи, всѣ же прочія сословія, въ томъ числѣ и гражданскіе чиновники, неизвѣстно зачѣмъ лишены этого права, а это очень обидно, потому-что пастухъ включенъ въ привилегію очевидно потому-только, что онъ подслужился свуху рюмою.

Сплетались горячія руки.
Уста прилипали къ устами.
И странные, дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ.

Мы принадлежимъ къ публикѣ въ высшей степени доверчивой и снисходительной, и потому такъ радуемся и изумляемся этому четверостишію изъ самаго зрѣлаго и блестящаго стихотворенія, что и сказать нельзя.

Какъ будто въ ту башню пустую
Сто юношей пылкихъ и жонъ
Сошлись на свадьбу почую,
На тризну большихъ похоронъ.

Вся литература, сидящая на гамбовыхъ креслахъ, вскопчить отъ изумленія и радости, услышавши такое необычайное извѣстіе, что сто пылкихъ юношей, — равно сто, ни болѣе ни менѣе, а будь девяносто де-

вать, то кавказское ухо тотчасъ бы узнало это по дикимъ звукамъ въ башнѣ — и жонъ неопредѣленное количество, сошлись почью на свадьбу, которая вдругъ превратилась, неизвѣстно какъ и отчего, въ *тризну большихъ похоронъ!* Литература, которая ѣздитъ въ своемъ экипажѣ, непременно, отправится на Кавказъ, отыщетъ тамъ тѣснину, гдѣ роется Терекъ и гдѣ стоитъ черная скала съ таковою же башней, и изслѣдуетъ это странное, изумительное превращеніе огромной свадьбы ста пылкихъ юношей въ тризну большихъ похоронъ. Но не совѣтуемъ однакожъ никому заходить въ гости къ этой коварной и злой Тамарѣ. Послушайте что она съ своими гостями дѣлаетъ. По-крайней-мѣрѣ ее можно въ томъ подозрѣвать, за неимѣніемъ ясныхъ уликъ.

Но только что утра сіянье
Кидало свой лучъ по горамъ,
Мгновенно и мракъ и молчанье
Опять воцарялся тамъ.

Тамъ? Гдѣ тамъ? Мы опять обрадованы и изумлены до невѣроятности. Это чудеса какіе-то. Лишь только сіянье утра кинетъ свой лучъ по горамъ, мгновенно тамъ воцаряется — вы думаете свѣтъ? — нѣтъ, извините! мракъ. Кавказская природа, гдѣ рѣки роются, какъ червячки, во мглѣ, имѣетъ свои особенности.

Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла
Гремя нарушалъ тишину:
Волна на волну набѣгала
Волна погоняла волну.

Воцарялся мгновенно мракъ и молчанье тамъ — вы знаете гдѣ — и между тѣмъ роющійся Терекъ гремя нарушалъ тишину. Это ужъ выходитъ очень плохое, кавказское молчаніе. А волнѣ-то, волпѣ-то сколько въ двухъ стихахъ! Волна на волну на — это такая гармонія, которую только услышишь на Кавказѣ.

И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили онъ унести...
Въ окнѣ тогда что-то бѣлѣло,
Звучало оттуда: «прости!»

Волны спѣшили унести безгласное тѣло съ плачемъ! Опять радость и изумленіе. Слыхали ль вы какъ плачутъ волны? Мы отроду никогда плача ихъ не слышали. Но, можетъ-быть, мы ошибаемся. Не тѣло ли вмѣстѣ съ плачемъ уносится волнами? Быть не можетъ! Плачь на водѣ не плаваетъ. Завтра же ѣдемъ на Кавказъ! Тамъ, просто, сторона чудесъ. А поняли вы что такое въ окнѣ бѣлѣло? Сказано: *что-то*; это недовольно ясно. Должна быть злодѣйка Тамара! Вѣроятно она же, утопивши гостя въ Терекѣ, говорить

или звучитъ изъ окна: «прости!» Прощайте, сударыня! Нѣтъ, ни за что не заманите насъ въ свою башню, если даже и поѣдемъ мы на Кавказъ.

И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ-будто восторги свиданья
И ласки любви обвѣдалъ.

Нѣтъ, прекрасная и коварная Тамара! Русская посьловица говоритъ: отрубивши голову, по волосамъ не плачутъ! Будь ваше прощанье еще слаще и нѣжнѣе, но мы вамъ отсюда, изъ Петербурга, низко кланяемся.

Что же дальѣе? спросятъ насъ читатели. Чѣмъ оканчивается исторія о прекрасной и злой Тамарѣ? А мы почему знаемъ! Мы сообщили вамъ всю напечатанную объ ней самую зрѣлую и блестящую исторію, которая насъ изумила и обрадовала столько же, сколько и васъ. Если же угодно вамъ знать дальнѣйшія о прекрасной Тамарѣ подробности, то съѣздите на Кавказъ, а до отъезда вы можете удостовѣриться, что новооткрытыхъ, блестящихъ и зрѣлыхъ произведеній, напечатанныхъ въ *От. Запискахъ*, Лермонтовъ, доказавшій позднѣйшими произведеніями свое дарованіе, ни зачѣмъ и нигдѣ не напечаталъ бы, еслибъ онъ былъ живъ. Поищемъ еще въ той же газетѣ, откуда мы заимствовали прекрасную Тамару и прекрасный критическо-эстетическій взглядъ на русскую словесность 1843 года, нѣтъ ли въ этой газетѣ еще какого-нибудь зрѣлаго и блестящаго произведенія одного изъ тѣхъ десяти истинныхъ представителей литературы «только-что возникающей, но болѣе плодотворной и жизненной,» которая съ самоотверженіемъ, ради благой и далекой корыстныхъ разчетовъ цѣли, стремится по тернистому пути къ достиженію вѣчной и святой истины, къ осуществленію на землѣ идеала.

Вотъ! нашли кажется. Статья по видимому совершенно идеальная. Лекція господина Пуфа, доктора энциклопедіи и другихъ наукъ, о кухонномъ искусствѣ. Докторъ Пуфъ? Это, вѣроятно, одинъ изъ десяти истинныхъ представителей литературы. Что пишетъ онъ? посмотримъ. *Супъ шоре гороховый съ рисомъ. Пирожки слоеные съ телятиной и сыромъ. Рыба подъ майонезомъ. Два тетерева жаренные.* Говядины 6 фунтовъ по 20 к. 1 р. 20. к.
Коренья: свекла, морковь и проч. на 40. —
Масла 2 фунта, по 50 к. 1 р.
4 телячьи ножки 60. —
5 яицъ 35. —
2 тетерева. 1 р. 20. —

Должно быть это новыя волшебства злодѣйки Тамары! Какимъ образомъ въ литературу, только-что возникающую, но болѣе плодотворную и жизнеспособную, попалъ гороховый супъ, слоеные пирожки, рыба подъ майонезомъ и два тетерева? Для чего напечатаны тутъ счетъ какой-то кухарки? Поваръ нашъ готовить противъ этого счета сильное возраженіе, грозитъ напечатать его и доказать, что цѣны, назначенныя Литературною Газетою, слишкомъ дешевы. Все это, кажется, не относится ни къ которой изъ четырехъ литературъ, ни къ копѣчной, ни къ промышленной, ни къ старческой, ни къ только-что возникающей, но болѣе плодотворной и жизненной. Впрочемъ, можетъ-быть, масло, 5 яицъ, 2 тетерева и проч. попали въ жизнеспособную литературу по той причинѣ, что все это составляетъ жизненные припасы? Всѣ читатели помнятъ какъ Отечественныя Записки порицали редактора Сѣверной Пчелы О. В. Булгарина за то, что онъ прихлѣбнулъ на себя редакцію особаго, хозяйственнаго журнала. Какимъ же образомъ литература, стремящаяся къ идеалу, идущая тернистымъ путемъ, чуждая корыстныхъ расчетовъ, шестууетъ твердо и самостоятельно и приходитъ въ кухню? Непонятно, однакожь утѣшительно, потому-что общественное образованіе подвигается впередъ *невидимо*: это очевидно! Оно проникло ко всѣмъ домашнимъ очагамъ. Мы скоро станемъ ѣсть объективный супъ, субъективное жаркое, абсолютный соусъ, социальный кисель и гуманные пирожки. Такой обѣдъ, достойный вѣка и современнаго европейскаго прогресса, безъ сомнѣнія обрадуетъ и изумитъ всѣхъ немногимъ менѣе, какъ блестящая и зрѣлая исторія о прекрасной Тamarѣ и эстетико-критическія статьи съ новыми идеями и съ высшими взглядами.

Въ тысячу разъ занимательнѣе всѣхъ этихъ статей и зрѣлыхъ исторій о коварной и прекрасной Тamarѣ показалось намъ:

Описание крушенія російскаго корабля Ингерманландъ, случившагося 30 Августа 1842 года, — напечатанное въ типографіи К. Жернакова, въ 8 л. листа, XVIII и 78 страницъ. Оно сочинено мичманомъ *Аполлономъ Говоровымъ*, который былъ очевидцемъ и участникомъ бѣдствія. При этомъ сочиненіи приложены четыре очень хорошо литографированные рисунка, изображающіе крушеніе корабля.

Книга эта посвящена Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Константину Николае-

вичу, Генералъ-Адмиралу. Она заслуживаетъ этой чести. Молодой морякъ, А. П. Говоровъ, простымъ, и вмѣстѣ прекраснымъ, одушевленнымъ рассказомъ своимъ переноситъ васъ самихъ на корабль, потерпѣвшій крушеніе. Сколько представляется вамъ сценъ поразительныхъ, трогательныхъ, высокихъ! Вы забываетесь; вамъ кажется, что передъ глазами вашими гибнетъ русскій корабль, что вы сами видите, какъ борются съ разъяреннымъ моремъ соотечественники ваши и, поглощаемые бездною, въ послѣдній, страшный мигъ, далекие отъ малодушія, одушевляются вѣрою въ Бога и любовью къ Царю и отчизнѣ. Какое русское сердце не забьется сильно при такомъ зрѣлищѣ!

Мы помнимъ, что когда было получено извѣстіе о гибели корабля Ингерманландъ, то многіе изъ тѣхъ немногихъ, которые, начитавшись бредней о Гегелѣ, европеизмѣ и прогрессѣ, воображаютъ себя юнымъ, широколобымъ, достигшимъ совершенства поколѣніемъ, идущимъ на ряду съ Европой и вѣкомъ, — чрезвычайно были недовольны нашими моряками, допустившими корабль, во время бури, разбиться о подводную скалу. «Посмотрите на Англію, взгляните на Францію!» говорили эти господа. «Подобныя вещи могутъ случаться только у насъ. Когда-то мы будемъ Европейцами!» Посадить бы одного изъ этихъ господъ на Ингерманландъ и посмотреть, какъ бы онъ самъ сталъ распоряжаться. То-то была бы потѣха! Какъ-будто для возраженія этимъ господамъ, въ тотъ самый годъ чуть ли не десятокъ англійскихъ и французскихъ кораблей претерпѣли крушеніе. Видно, совладѣть съ бурей и моремъ гораздо потруднѣе, чѣмъ отрастить европейскую бородку, взять груднымъ голосомъ высокую ноту въ какомъ-нибудь романсѣ, ловко расшаркаться на паркетѣ и совершить какой-нибудь другой подвигъ въ этомъ родѣ. Помните ли, какъ въ баснѣ Крылова двѣ мыши критикуютъ и бранятъ капитана корабля? Очень жаль, что эти Двѣ Мыши не напечатаны въ собраніи его басенъ.

Юня двадцать-четвертаго корабль *Ингерманландъ* и два военныхъ транспорта *Волга* и *Тверца* отплыли изъ Архангельска въ Кронштадтъ, подъ командою капитана 1-го ранга Павла Михайловича Трескина. Когда суда вышли изъ Бѣлаго моря въ Сѣверный Океанъ, поднялся жестокий, противный вѣтеръ. Предоставимъ дальнѣйшій рассказъ самому автору.

Въ двадцать дней, отъ параллели мыса Нордъ-Капа по Оке-

ану, гдѣ для корабля самая выгодная маневривка, мы выла- вырвали только двести миль, что при хорошемъ вѣтрѣ корабль можетъ пробѣжать менѣе сутокъ. Такая неудача нашего плаванія, вообще весьма рѣдко бывающая на водахъ Сѣвернаго Океана, заставила командира ограничить порцію воды: ее начали выдавать весьма поронну, не исключая капитана, по одной кружкѣ въ день на человѣка.

Такъ тянулись однообразно день за днемъ. Скука, болѣе или менѣе, дѣлалась общемою нашею подругою. Августа 21-го, противъ чанья нашего, мы были обрадованы штилемъ, всегдашнимъ предвѣстникомъ переменъ. Корабль открылся парусами, но вѣтеръ, закрывая съ разныхъ сторонъ, не падувалъ ихъ, и отъ качки корабля, они только хлопали по рангоуту. Вѣрный оракулъ нашъ, барометръ вдругъ упалъ къ вечеру до 28, 20 дюймовъ, и опытный капитанъ нашъ тотчасъ приказалъ убирать паруса. Въ нѣсколько минутъ мачты осиротѣли; все спущено къ низу. Корабль, готовый встрѣтить бурнаго противника, остался подъ тремя марселями въ четыре рифа. Офицеры, собравшіеся на ютъ, недовѣрчиво поглядывали на горизонтъ, и вотъ, около 6-ти часовъ вечера, на северо-западъ образовались густыя тучи и оттуда подулъ вѣтерокъ. Едва только успѣли мы спуститься на фордевиндъ, шумъ отъ сѣвера по горизонту возвѣстилъ приближеніе шквала. Для работъ всѣ сбѣжали съ юта на шканцы; снасти забгали; все затрещало — въ одно мгновеніе гротъ-марсель изорвало въ клочки; крайшешхоты лопнули; нѣкоторые писельспирты, выскоча изъ бугелей и крутясь въ воздухъ, грозили надѣніемъ. Пролливной дождь хлынулъ параллельно палубѣ — такъ силенъ былъ порывъ вѣтра; свѣтъ дня принялъ какой-то коричневый цвѣтъ; голосъ человѣка былъ задушенъ, и только оглушительный вой бури раздавался надъ нами. Поблѣвѣвшій, какъ свѣтъ, океанъ разсыпался громадными валами спереди и сзади корабля, и поверхность его, казалось, слилась съ мрачнымъ небомъ. Предсказанія барометра оправдались — начался штормъ. Наступившая ночь придала картинѣ еще болѣе ужаса. Невозбразимая фосфорическая игра воды невольно пугала насъ: при неимовѣрной качкѣ, когда корабль проходилъ между валовъ, казалось, что огненная масса движется на насъ и однимъ ударомъ уничтожитъ все. Прошло нѣсколько часовъ, и на страшное явленіе природы мы смотрѣли уже обыкновенными глазами, спокойно ожидая окончанія. Корабль, подъ однимъ форъ-марселемъ, зарывался въ волнахъ, и дрожа въ основаніи, летѣлъ по 15 миль въ часъ. Править рулемъ было невозможно. Рискъ корабля доходилъ до восьми ружбовъ — положеніе было самое опасное. Очевидцы бурь Средиземнаго и другихъ морей говорили, что ничего подобнаго они не видывали. Къ полудню 22-го числа немного стихло. Вѣтеръ, какъ будто хотѣвъ вознаградить насъ за долготерпѣніе. Въ четверо сутокъ добѣжали мы до Пьементаго моря, и не смотря на всегдашнюю бурливость его, прощипъ имъ весьма благополучно. Ровнымъ вѣтромъ, 26-го Августа, вступили мы въ Скагерракъ, и ожиданія наши отдохнуть въ Копенгагенъ, гдѣ надобно было остановиться за прѣсною водою, составили шумный говоръ каютъ-компаніи. Уже мы заготовляли письма на родину. Всевышнему угодно было послать намъ еще одно, послѣднее испытаніе, и показать ничтожество всѣхъ земныхъ помысловъ.

Близъ Ютландскаго берега вѣтеръ быстро перешелъ къ востоку и сдѣлался противнымъ для входа въ Каттегатъ. Темнота осеннихъ ночей затруднила лавировку. Трои сутки не имѣли

мы обсерваціи. Безпрестанные дожди и туманы скрыли отъ насъ солнце, замѣнившееся десятками смерчей. Августа 29-го окружили они корабль со всѣхъ сторонъ, и какъ будто злобствующіе предвѣстники чего-то недобраго, преслѣдовали насъ до самаго вечера. Потомъ, какъ будто по мановенію невидимой силы, всѣ смерчи вдругъ скрылись; вѣтеръ быстро засильвалъ, и мы, взявъ у марселей всѣ рифы, по возможности удерживали свое мѣсто.

Ночь на 30-е Августа была весьма безпокойна. Сильные удары волнъ прерывали сонъ нашъ. Однимъ валомъ сорвало гальюнъ съ правой стороны, и ударъ былъ такъ силенъ, что на корабль всѣ встrepулись. Узнавъ о причинѣ общей тревоги, мы думали снова успокоиться, но тревожныя грезы отгоняли сонъ. Вѣтеръ безпрестанно обрывалъ на корабль либо то, либо другое, и продолжалъ свирѣпствовать.

Непроницаемый туманъ не позволялъ намъ спуститься ни въ какой портъ. Наступившій день праздника св. Александра Невскаго встрѣтилъ по морскому: отслужили молебствъ съ колѣнопреклоненіемъ; офицеры замѣняли пѣвчихъ, но многолѣтніе порфпрородному именованію не сопровождалось пушечною пальбою, и замерло въ сердцахъ Ингерманландовъ, ибо сильный вѣтеръ не позволялъ намъ громомъ орудій возвѣстить чуждому морю радость и усердіе Русскихъ.

Молча поздравляли мы другъ друга съ царственнымъ именованіемъ. Шпръ и обѣдъ каютъ-компаніи ограничили скромнымъ пирогомъ, ибо провизія офицерская въ семь недѣль плаванія кончилась, и мы пользовались матросскою, но при сильной качкѣ въ теченіе двухъ сутокъ мы не могли даже ничего варить.

Часто попадавшіяся купеческія суда весьма озабочивали командира. По всему кораблю разставили часовыхъ; баковые офицеры лично участвовали въ сей обязанности.

Медленно тянулся день 30-го Августа. Какое-то необыкновенное, безотчетное уныніе поселилось въ каютъ-компаніи, и удивляясь общей молчаливости, мы сами не понимали, что могло насъ такъ сильно тревожить. На распорядительность и осторожность капитана вопіять мы полагались. Малѣйшій случай не оставался безъ вниманія его. Съ 1-го Августа едва удавалось ему вздремнуть. Темнота ночи и непогода безпрестанно вызывали его изъ каюты; нередко разсвѣтъ для заставалъ его еще на палубѣ. Опытность нашихъ штурмановъ еще болѣе обнадеживала насъ безопасностью. Чтожь такое было причиною нашей грусти? Что могло наодить такую страшную тоску, и именно въ день 30-го Августа?

Ни чей умъ не разгадаетъ намъ тайнаго волненія души и ея предвѣдній — ей одной, безсмертной части нашего существа, доступна будущность предчувствіемъ.

День прошелъ. Смеркалось недолго, и ночь мгновенно набросила свое мрачное покрывало на весь Скагерракъ. Темнота была столь велика, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Ревущій отъ востока вѣтеръ дулъ сильными порывами и рвалъ снасти. Мы едва успѣвали перебивать ихъ. Шкентеля фокъ-стаксель-шхоты рвало одинъ за другимъ.

Вѣтеръ отъ ОНО продолжался уже трои сутки, и мы могли полагать, что скоро переживитъ онъ въ нашу пользу, тѣмъ болѣе, что Скагерракъ извѣстенъ своими непостоянными вѣтрами.

Въ 3-мъ часовъ вечера 30-го Августа опредѣлено было мѣсто корабля, по счисленію, въ 27-ми Итальянскихъ миляхъ, то

есть почти в 50 верстах от ближайшего берега Норвегии. Мы шли правым галсом на NW, не считая до пяти румбов дрейфа и два румба склонения компаса, выходило, что корабль шел к W, то есть, на выход в Немецкое море, по одной, или по полторы мили в час. По курсу не было никаких опасностей, и командиръ положилъ поворотить на левый галсъ въ полночь.

Настал десятый час по полудни. Въ каютъ-компани обществу офицеровъ, по прежнему скучное, послѣ ужина составило небольшую бесѣду, но разговоръ былъ безъ связи. Другъ торопливо въбжалъ въ каютъ-компанио штурманскій капитанъ Воронинъ. — «Что такое?» — «Что поваго?» — спрашивали мы. «Открылся огонь» — отвечалъ онъ, и обратясь къ лейтенанту Васильеву, сказалъ: «Позвольте мнѣ почнуть вашу трубу — хотя бы поворачивать, да это должно быть судно, а маяка никакого тутъ быть не можетъ!» — Взявъ трубу, Воронинъ побѣжалъ наверхъ. Бесѣда наша прекратилась. Один разошлся по каютамъ; другіе, изъ любопытства, вышли наверхъ. Съ полночи мнѣ доставалась очередь на вахту, а потому я спустился на кубрикъ, и только-что было прилечь, но еще не успѣвъ сомкнуть глаза, сильнымъ сотрясеніемъ корабля сбросило меня съ койки на палубу. Перегородки затрещали. Корабль повалился на левый бокъ. На ногахъ невозможно было стоять — все тронулось съ мѣста — вещи попадали. Последовало пять, или шесть ударовъ въ подводную часть корабля, прямо подъ офицерскіи каюты, съ лѣвой стороны. Встревоженные внезапностью, мы спрашивали другъ друга, что такое случилось? Один говорилъ, что мы сошлись съ судномъ, а другіе, что мы ударились о камень. То или другое — разсуждать было некогда — надобно было бѣжать наверхъ. Набросивъ на себя что попало подъ руку, безъ фуражки, въ безпорядочномъ одѣяніи, выбѣжалъ я изъ каюты — в ужасѣ мой увеличился: на кубрикѣ отъ канатовъ къ кормѣ, четырехъ каютъ сряду какъ будто не бывало! Щиты, стулья, офицерскія вещи — все смѣшалось, и тревога сдѣлалась общаю.

Славшая половина команды, или подвахтенные, соскочивши съ коекъ, были въ какомъ-то недоумѣніи. Авральный голосъ вахтеннаго лейтенанта: «Къ помпамъ! Живо! Койки долой!» двинулъ всю эту остолебенную толпу, и провинительные свѣтлы урядниковъ (унтеръ-офицеровъ) занялись пѣсней тревоги. Выбѣжавъ на верхъ, я нашелъ тамъ командира и уже всѣхъ собравшихся около него офицеровъ. На шканцахъ дѣлалось распоряженія, но темнота была ужасная; весь корабль освѣщался только двумя, или тремя фонарями. Мерцающей на горизонтѣ огонекъ видѣлся съ лѣвой стороны.

Мичманъ Полощцовъ, посланный узнать о прибыли воды, доносилъ, что съ первымъ ударомъ трюмъ наполнился до половины. Черезъ нѣсколько минутъ офицеры разбѣжались по назначеннымъ отъ командира мѣстамъ, кто къ помпамъ, кто къ доставанію парусовъ и канатовъ, кто принялся готовить шлюпки, топоры, для срубки мачты. Чтобы дать знать о постигшемъ насъ бѣдствіи, артиллеристамъ велѣно палить и жечь фальшфейеры, а штурманамъ поручено, на случай спасенія на шлюпкахъ, забрать путевой журналъ и необходимыя карты и инструменты. Къ знаменному флагу назначены были старшій мичманъ Шингоринъ 2-й и унтеръ-офицеръ Арзамасскій, которымъ одинаково приказано было не трогать его съ мѣста до самой последней крайности, дабы тѣмъ не лишить бодрости команду. Сундукъ съ денежною суммою предоставленъ былъ для спасенія экипажа

ному адъютанту, лейтенанту Васильеву. Дежурный капитанъ-лейтенантъ Истоминъ и вахтенные офицеры оставались для распоряженія наверху. Бросили лотъ: глубина была 50-ть сажень. Въ слѣдъ за тѣмъ отдали одинъ за другимъ два якоря (плектъ и даглантъ), но корабль не задержало, и чрезъ пять минутъ динь-лотомъ уже не доставали дна. Немедленно приступили къ откачиванію воды. Помпы, ведра, артиллерійскія кадки, баки, кипера, даже барабаны, все — было употреблено для сей важной работы, но пользы было немного: вода замѣтно наполнила кубрикъ. По совету капитана съ офицерами, положили идти въ берегъ, и тѣмъ поставить, если будетъ можно, корабль на мель, а какъ не было возможности взять для того настоящій курсъ, ибо руль при первыхъ ударахъ сорвало съ крючьевъ и переломило на двое у самого румпеля, то и поставили форъ-трисель, надвѣсь тѣмъ уклонить корабль подъ вѣтеръ. По темнотѣ ночи, крутизны норвежскихъ береговъ и незнанію настоящаго мѣста разбитія, почтено предпріятіе довольно опаснымъ, а потому чрезъ полчаса форъ-трисель опять убрали. Я сказалъ, что приступили и къ доставанію парусовъ, думая подвести ихъ подъ корабль, но прибывающая вода и разломавшаяся парусная каюта едва дали возможность вытащить только половину грота. Принуждены были эту, мѣшавшую дѣйствовавшимъ у кетенсъ-помпъ работу, совсѣмъ оставить. Распорядясь тогда откачиваніемъ воды изъ капитанскаго погреба, я хорошо видѣлъ, что корабль долженъ немедленно пойдти ко дну, и почелъ нужнымъ доложить о быстрой прибыти воды. Выбѣжавъ наверхъ, нашелъ я тамъ все довольно спокойнымъ. Люди почти всѣ работали внизу; на мачтахъ не было ни одного человѣка. Корабль такъ сильно наклонился на лѣвую сторону, что, казалось, скоро его совсѣмъ опрокинеть. Капитанъ приказалъ рубить гротъ-мачту. Было около полуночи. Едва надрубили талрепы навѣтренныхъ гротъ-вантъ, раздался крикъ: «Берегись! Берегись!» и въ одно мгновение фальшфейеръ погасъ, настала тма, громкій трескъ возвѣстилъ паденіе мачты и корабль сталъ прямымъ. Мачта сломилась футовъ на четыре отъ палубы, но срубленный конецъ ея оставался на борту, задержанный подвѣтренными вантами и крѣйсельнымъ снастями. Эти снасти очищали свободно, но надобно было освободить мачту отъ вантъ. Никто не рѣшался идти для того на подвѣтренные руслены, уже бывшіе въ воду. Мичманъ Греве показалъ здѣсь большое присутствіе духа и отвагу: съ топоромъ въ рукахъ, перевязанный концомъ веревки, онъ бросился на лѣвый руслень, и безпрестанно покрываемый волнами, перерубилъ почти всѣ подвѣтренные талрепы. Гротъ-мачта свалилась за бортъ, и кренъ корабля значительно уменьшился, хотя отъ всѣхъ снастей мачта была освобождена потомъ часа черезъ два. Срубивъ мачту, отдали, по приказанію командира, третій якорь, но онъ повисъ лапою на подушкѣ. Отдали четвертый — онъ полетѣлъ въ воду и вытанулъ за собою весь канатъ до его закрѣпленнаго, внутренняго конца (до жвака-галса). Думали, что якорь задержитъ корабль, но ошиблись, ибо онъ повисъ не доставая дна — въ то время уже и динь-лотомъ нельзя было измѣрить глубины. Видя, что надежда на якорь не сбылась, мы обратили все наши старанія только на то, какъ поддержать корабль до разсвѣта. Команда работала съ немощнымъ усиліемъ. Стоя на кубрикѣ по грудь въ воду, люди не покидали своихъ мѣстъ до послѣдней невозможности. Сила являлась необычайная: кто повѣритъ, что двѣнадцатисельный катеръ, въ 30 футовъ длиною и 8 футовъ шириною, стоявшій въ барказѣ,

въ страшной темнотѣ, при качкѣ и кренѣ, перенесли на рукахъ на шканцы и утвердили тамъ на подпорахъ. Спустили гребня суда обыкновеннымъ образомъ было невозможно, даже и тогда, когда стояла еще мачта, потому-что отъ сильнаго крена нельзя было заложить покъ-талей, а спустить ихъ, или столкнуть прямо за бортъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ дѣлается, не позволялъ сплошной бортъ на шканцахъ. Потому обрубали только шлюпочные найтовы и приготовили паруса и весла. Кренъ корабля увеличился до 30 градусовъ. Начали выбрасывать пушки, ядра, баластъ, и всевозможныя тяжести перетаскивали въ палубахъ на правую сторону. Корабль еще немного выпримили, но уже сълъ въ воду замѣтно глубже. Сильнымъ волненіемъ вышибло задрайку изъ клюзовъ; вода яростно бросилась черезъ нихъ въ корабль. Артиллерійскій унтеръ-офицеръ Басевъ, съ нѣсколькими матросами, началъ было заколачивать отверткія койками и разными вещами, но старанія ихъ не принесли никакой пользы.

Фокъ-мачта сильно отягощала корабль. Надлежало пожертвовать ею. Мнѣ суждено было сдѣлаться исполнителемъ воли командира. Онъ позвалъ меня къ себѣ. Все приказаніе его ограничилось нѣсколькими словами, крѣпко врывающимися въ память мою: «Ступайте рубить фокъ-мачту. Помните, что остался только одинъ фальшфейеръ. Скорѣе рубите съ лѣвой, а потомъ уже съ навѣтру. — Больше ни слова, и прочія распоряженія его были для другихъ. Хладнокровію и присутствію духа нашего начальника нельзя было удивляться. Непостижимо, какъ могъ онъ казаться спокойнымъ въ такія страшныя минуты. Для 900 человекъ корабельнаго экипажа, ему, какъ начальнику, предстояло изыскать средства спасенія, и первымъ образомъ для того избрать онъ хладнокровіе. Приказанія его были безъ повтореній. Бросившись на бакъ къ фокъ-мачтѣ, я приготовилъ топоры и по спросу со шканецъ: рубить ли талрепы? приступилъ къ дѣлу; фальшфейеръ вспыхнулъ въ рукахъ офицера на ютъ и озарилъ паденіе фокъ-мачты. — Блѣдный, мертвенный свѣтъ фальшфейера казался мерцающимъ погребальнаго факела. Обѣ мачты были срублены такъ счастливо, что паденіемъ своимъ не причинили никакого вреда. Дабы имѣть понятіе о трудности дѣла, довольно сказать, что вышина корабельной мачты отъ воды до кнопки около 25 сажень, и она обременена реями, изъ которыхъ главная въ 14 сажень длинны.

Кончивъ свое дѣло около фокъ-мачты, я побѣжалъ доложить командиру. Онъ стоялъ съ нѣсколькими офицерами и совѣтовался о спасеніи экипажа. Придумывали многое, но все оказывалось тщетно. Вѣтеръ уничтожалъ все замыслы и предпріятія. Мы ждали помощи съ берега отъ лодмановъ, полагая, что пушечная пальба наша обратитъ вниманіе жителей. Мы сдѣлали изъ 24-хъ фунтовыхъ орудій около двухъ сотъ выстрѣловъ, следовавшихъ одинъ за другимъ послѣ краткаго промежутка времени. Съ минуты удара до полуночи жгли безпрестанно фальшфейеры. Воображеніе рисовало намъ суда, идущія съ берега, но то былъ обманъ зрѣнія. Насъ несло по вѣтру, поворачивая, то носомъ, то кормою къ маяку. Онъ исчезъ наконецъ изъ вида. Фальшфейеры были все сожжены — настала ужасная тма, и мы молили Бога, да продолжитъ онъ сохраненіе наше хотя до разсвѣта.

Слова, услышанныя тогда мною подъ ютмомъ, были для меня громовымъ ударомъ: «Ну, господа,» говорилъ полковникъ Ершовъ, стронитель Ингерманланда, плывшій на немъ въ Петербургъ, «я уже пожелъ довольно на бѣломъ свѣтѣ. Мнѣ се-

бя не жаль, а жаль васъ, молодыхъ людей, такъ рано оставляющихъ жизнь.» — Слова мѣститаго старца зажгли уже охладѣвшую душу. Вспомня объ отцѣ, сестрахъ, родныхъ, близкихъ сердцу, я затрепеталъ; слезы градомъ невольно покатились изъ глазъ моихъ. Поцѣловавшись съ товарищами и перекрестившись, опять бросился я въ жилую палубу, и пробѣгалъ офицерскій трапъ, спросилъ у часоваго: которая стѣкланка? — Какъ вполнѣ Русскій, часовой стоялъ неподвижно на своемъ посту, и преспокойно въ ту минуту закричалъ: «Бить на бакъ четыре стѣкланки!» Это значило два часа ночи....

Часу въ первомъ священникъ корабля, Василій Назаринъ, по просьбѣ больныхъ, началъ причащать ихъ Св. Танинъ, въ одной изъ офицерскихъ каютъ. Къ нему входили по одному, и окончивъ таинство причащенія, каждый оставлялъ каюту готовымъ предстать на судъ Всевышняго. Женщины, собравшись предъ образомъ св. Николая Чудотворца, смиренно возносили молитвы къ свѣтому заступнику; другія, съ дѣтми и грудными младенцами, были въ каютѣ-компани. Вода, заливая до половины жилую палубу, привела ихъ всѣхъ въ ужасъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила въ командѣ невообразимое самоотверженіе. Кетенсъ-помпы не принесли уже никакой пользы, ибо корабль погрузился до нижней палубы и вода вывалилась въ него черезъ шпигаты, которые бесполезно пытались заколачивать; въ отверткіи отъ сломаннаго руля вода полилась шумнымъ каскадомъ. Началъ задвѣивать его чѣмъ попало, и здѣсь съ изумительнымъ хладнокровіемъ дѣйствовали конопатчикъ Чебыкинъ, стоявшій по горло въ водѣ. Къ сожалѣнію, онъ сдѣлался жертвою своего усердія. Надобно было прибавить отверткіи для выкачиванія воды изъ палубы. Люковъ для сей необходимой работы было свободныхъ только пять, и притомъ вода, выкачиваемая изъ батарейной палубы помпами и другими средствами, возвращалась въ жилую. Прорубили палубы и чрезъ сіи отверткіи значительно усилили откачиваніе. Выплывавшій изъ люковъ грузъ загромождалъ ихъ совершенно. Надобно было все очищать, и послѣ того едва можно было почерпнуть нѣсколько ведеръ, но и при такихъ затрудненіяхъ не успѣвали съверху подавать пустыя ведра и кадки, привязанныя на шхерты.

Офицеры, участники общей работы, являли командѣ достойныя примѣры хладнокровія, рѣшительности и мужества. Повиновеніе Русскихъ матросовъ являлось, въ полномъ смыслѣ слова, примѣрнымъ. На грозившее имъ бѣдствіе они смотрѣли хладнокровно, и съ крикомъ ура, казалось, всѣ готовы были противостать самой природѣ. Старые матросы старались ободрить рекрутовъ. Но минута гибели уже наступала и никакія средства не могли отратить ее. Поминутно спрашивали: который часъ и торопились поворачивать стѣкланки, какъ-будто тѣмъ можно было приблизить разсвѣтъ дня. Любовь къ жизни выражалась громкими молитвами, хотя никто не торопился спастись. «Вмѣстѣ служили, такъ вмѣстѣ и умремъ,» раздавалось по всему кораблю, и никто не оставлялъ своего мѣста, и работа, какъ говорится, кипѣла подъ неслабующими руками. Безпрерывно увеличивавшаяся опасность, какъ-будто уже не страшна никого, и работа продолжалась, когда корабль, довольно неподвижный до-сихъ-поръ, вдругъ страшно задрожалъ — послышался трескъ — палубы погнулись, приподнялись на срединѣ — конецъ всему! Вода быстро прибыла футовъ на полтора. Громогласное: *Господи помилуй!* послышалось изъ устъ истомленныхъ страдальцовъ. Все, какъ-будто окаменѣло. «Брось все!

Пошелъ всѣ на верхъ!» раздалась команда, и всѣ съ громкимъ ура ринулись въ послѣднюю борьбу съ смертью. Алчная стихія, хлынувши въ нѣсколько проломленныхъ бортовъ корабля, жадно схватила нѣсколько обреченныхъ жертвъ.

Наверху люди сидѣли по шлюпкамъ, но за малую вѣстельностью ихъ лѣзли всюду, куда могли — ютъ, бизань-мачта, буншпритъ, все было загромождено людьми въ нѣсколько минутъ. Настало мгновение ужасное — неизобразимая тишина, какъ будто предсмертный часъ приготовления къ смерти. Всѣ едва переводили дыханіе. Служитель въры, съ крестомъ въ рукахъ, оствѣля на всѣ стороны, и молитвы на разныхъ языкахъ неслись къ престолу Божию. Вода страшно забушевала въ батарейной палубѣ. Корабль началъ трещать и валиться, то на право, то на лѣво, и наконецъ остановился прямо. Вѣтръ свистовалъ по прежнему. Вдругъ корабль наклонился на лѣво — вздрогнулъ — мгновение, и «онъ погрузился!» думалъ каждый. Все смолкло — наступило торжество религіи — всѣ сняли фуражки. Священникъ, въ истинномъ величіи своего сана, папцествовалъ насъ отходною молитвою съ челоуѣкъ, казалось, хотѣло заглушить ревъ вѣтра, и шумъ буруна, свирѣпствовавшего внутри корабля.

Когда раздалось громкое ура, погибавшихъ, заглушаемое ревомъ водныхъ столбовъ, вырвавшихся изъ всѣхъ люковъ и отвертій палубы, это было вѣрнымъ признакомъ, что корабль идетъ на дно моря. Взоры всѣхъ обращались на корабельные борты, гдѣ разстояніе воды отъ стѣнокъ замѣтно уменьшалось. Волны бурнымъ началомъ перекатывались черезъ лѣвый бортъ. Каждый изъ насъ держался за что могъ. Схватившись за бортъ катера и его банку, я накрылся угломъ брезента — утопающій хватается за соломенку.

Среди общаго ужаса, мы ждали слѣдующаго буруна, и онъ не замедлил. Ударъ волны въ правый бортъ наклонилъ корабль налѣво, и мгновенно огромный буруль прокатился по нашимъ головамъ; наполнивши водою барказъ, онъ ударилъ въ капитанскій катеръ; подставки выскочили, катеръ упалъ на бокъ, и — праваго борта сто, какъ будто не бывало! Люди посыпались за бортъ корабля; нѣкоторыхъ волною отбросило къ барказу — въ числѣ ихъ былъ и я. Переведа дыханіе и опомнившись, я очутился на плавающихъ запасныхъ рострахъ. Подъ лѣ меня были командиръ корабля, его супруга, капитанъ-лейтенантъ Истоминъ, лейтенантъ Васильевъ, и множество матросовъ и ихъ жепъ съ младенцами на рукахъ. Страдальческой крпкъ малютокъ былъ непродолжителенъ; однихъ матери роняли въ воду, другихъ вырывало волненіемъ изъ рукъ и давило въ общей тѣснотѣ. Раздалось еще ура — шквалъ и шквалцы погрузились въ воду; одиъ ютъ былъ еще на поверхности воды.

Это предсмертное ура древніе Греки или Римляне, съ чувствомъ справедливой народной гордости, непременно записали бы на скрижаляхъ своей исторіи, но въ нынѣшній положительный вѣкъ подобныя черты народнаго духа остаются часто не замѣченными и скоро забываются. По приведенной нами выпискѣ читатели сами могутъ судить о занимательности всего сочиненія. Корабль, на ужасной глубинѣ, погрузившись по ютъ, (часть верхней палубы отъ задней мачты до

кормы корабля) остался въ этомъ положеніи и не пошелъ на дно. Этому не бывало примѣровъ въ исторіи кораблекрушеній. Буря продолжала свирѣпствовать. Съ вечера 30 августа, то есть съ минуты разбитія корабля, до 1-го сентября, почти въ теченіе двухъ сутокъ бѣдствующіе продолжали отчаянную борьбу съ моремъ и смертню.

Всю эту истинную драму, которая приводитъ насъ то въ ужасъ, то въ умиленіе, передать въ краткомъ очеркѣ невозможно, и потому советуемъ каждому прочитать все сочиненіе молодаго моряка. Въ концѣ книги прибавленъ реэстръ морскихъ техническихъ выраженій, употребленныхъ въ сочиненіи, съ краткимъ объясненіемъ ихъ значенія.

Земледѣліе въ Китаѣ. С. П. Бургъ, въ типографіи Э. Прапа, 1844 года, XII и 100 стр. въ 8 долю листа. При этой книгѣ приложено 72 чертежа разныхъ земледѣльческихъ орудій.

Новый трудъ извѣстнаго нашего синолога, Іакинфа Бичурина, который издалъ уже нѣсколько сочиненій о Китаѣ, обратившихъ на себя заслуженное вниманіе не только нашихъ, но и европейскихъ ученыхъ. Сообщаемыя въ новомъ его трудѣ свѣдѣнія о китайскомъ земледѣліи заимствованы имъ изъ сочиненія, изданнаго въ Китаѣ въ 1742 году. Оно было составлено особою ученою коммиссіею и напечатано подъ непосредственною редакціею китайскаго императора. Это не отвѣченная теорія китайскихъ агрономовъ, но вѣрная и полная картина практическаго земледѣлія въ Китаѣ, гдѣ оно основано, по свидѣтельству преданій, за 4500 лѣтъ слишкомъ до настоящаго времени, китайскимъ государемъ Янь-ди, котораго обоготворили въ потомствѣ подъ именемъ Сянь-Нунъ и которому приносится до нынѣ, ежегодно весной, жертва китайскимъ императоромъ при совершеніи извѣстнаго обряда земледѣлія. Книгу эту прочтутъ съ любопытствомъ не одни ученые, но и всѣ любители сельскаго хозяйства. Очень можетъ быть, что наши агрономы съ пользою переймутъ что-нибудь у Китайцевъ и удачно примѣнять къ русскому земледѣлію которое-либо изъ семидесяти двухъ земледѣльческихъ орудій, приложенныхъ въ чертежахъ при книжкѣ.

С м ѣ т б.

ДАМАСКЪ И ЕГО ТОРГОВЛЯ. — Дамаскъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ, упоминаемый еще въ исторіи Авраама, до-сихъ-поръ стоитъ на томъ же мѣстѣ, которое занималъ во времена этого великаго патриарха. Тогда-какъ столицы древняго міра: Ниневія, Вавилонъ, Мемфисъ и другія, болѣе двухъ тысячъ лѣтъ покоятся въ развалинахъ, Дамаскъ все еще сохраняетъ славу своихъ цвѣтущихъ вѣковъ.

Дамаскъ — этотъ перлъ, окруженный изумрудами, какъ называютъ его восточные народы, — раскидывается на обширной, плодосной равнинѣ. Фиговыя, миндальныя, абрикосовыя, померанковыя и другія плодовые деревья бросаютъ свою широкую тѣнь на мраморныя стѣны и на безчисленныя четырехугольныя башни, которыми обведенъ городъ. Среди благовонныхъ деревьевъ, поднимаются позолоченные или раскрашенные куполы мечетей и дворцовъ. Вся эта роскошная долина орошается рѣкою Барради, которая развѣтвляется здѣсь на семь рукавовъ и обтекаетъ городъ съ правой и лѣвой стороны.

Настоящихъ жителей въ Дамаскѣ считается не болѣе ста-шестидесяти тысячъ. Между-тѣмъ, это народонаселеніе увеличивается иногда сорока или пятидесятью тысячами пилигримовъ, которые собираются сюда со всѣхъ концовъ Оттоманской имперіи, изъ Египта, Персіи и Туркестана, и отсюда отправляются, караванами, въ Мекку, въ концѣ мѣсяца *Рамадана*.

Этому многочисленному стеченію пилигримовъ Дамаскъ обязанъ своею цвѣтущею торговлею и своимъ огромнымъ богатствомъ. Всѣ правовѣрные, отправляясь изъ дальнихъ странъ на поклоненіе гробу Магомета, запасаются какими-нибудь товарами, которые распродаютъ на дамасскихъ рынкахъ; потомъ, на обратномъ пути изъ Мекки, поклонники привозятъ сюда съ собою кисею, ситцы, алоэ, алмазы, перлы, перецъ и кофе.

Въ этомъ городѣ сосредоточивалась нѣкогда торговая дѣятельность Сиріи, Аравіи и Месопотаміи. Здѣсь было богатѣйшее складочное мѣсто, гдѣ Европейцы закупали всѣ азіатскіе товары, которые привозили сюда Турки, Персы, Татары, Египтяне, Мавры и Варварійцы. Но опустошительное нашествіе Тамерлана уничтожило на нѣсколько времени славную торговлю Дамаска и прервало его сношенія съ соседними народами. Въ ту же эпоху упали и его знаменитые оружейные заводы, которые, по волѣ завоевателя, были переведены въ Самаркандъ. Впрочемъ, слѣды опустошенія скоро изгладилась; въ Дамаскѣ снова зацвѣла торговля.

Въ настоящее время, на дамасскихъ рынкахъ найде-

те всѣ азіатскіе и европейскіе товары; особенно славятся здѣсь конскія сбруи и сѣдла, съ которыми, ни по богатству, ни по отдѣлкѣ, нигдѣ не сравниются европейскія издѣлія того же рода. По срединѣ базара возвышается великолѣпная гостинница Ассадъ-Паши. Огромный ея куполь, напоминающій, своими смѣлыми размѣрами, куполь святаго Петра въ Римѣ, поддерживается гранитными колоннами. Позади колоннъ устроены магазины и лѣстницы, по которымъ входите въ верхніе этажи, занимаемые негодціантами. Каждый негодціантъ занимаетъ здѣсь для себя одну комнату, гдѣ хранятся его драгоценныя товары и коммерческія книги. Это нѣкотораго рода дамасская биржа.

Купеческіе караваны, прѣбывающіе въ Дамаскѣ изъ Персіи, Месопотаміи и другихъ соседнихъ странъ, очень часто получаютъ товары на кредитъ, а расплачиваются при своемъ возвращеніи на слѣдующій годъ.

Въ Дамаскѣ считается шестьдесятъ-шесть мусульманскихъ домовъ, которые имѣютъ торговыя сношенія съ Европою. Общій ихъ капиталъ простирается до двадцати-пяти милліоновъ піастровъ. Самые богатые дома ведутъ торговлю вообще съ Европою и съ Багдадомъ; но менѣе значительныя ограничиваются сношеніями съ Константинополемъ и Смирною. Ганахъ-Гунари, одинъ изъ значительнѣйшихъ фабрикантовъ дамасской золотой парчи, имѣетъ дѣла съ Англіею, Франціею и Италіею.

Между дамасскими негодціантами, Израилтяне особенно славятся своимъ богатствомъ и своими торговыми оборотами. Есть двадцать-четыре іудейскія дома, которые имѣютъ общій капиталъ — осьмнадцать-милліоновъ піастровъ. Девять изъ нихъ имѣютъ по полутора-милліона каждый; они ведутъ торговлю съ Англіею.

Сто-восемь дамасскихъ купцовъ торгуютъ собственно европейскими товарами. Капиталъ всѣхъ этихъ торговцевъ простирается не выше двухъ милліоновъ піастровъ.

Четырнадцать мусульманскихъ домовъ имѣютъ парчевыя фабрики. Два богатѣйшихъ фабриканта изъ этого разряда принадлежатъ къ сектѣ дервишей. Многіе дервиши имѣютъ свои лавки на базарахъ.

Наконецъ, сорокъ-пять христіанскихъ домовъ содержатъ фабрики шелковыхъ издѣлій. Самый богатый изъ этихъ домовъ имѣетъ двадцать-тысячъ франковъ капитала.

АЛЖИРСКАЯ СТЕПЬ. — Сахарою, или степью въ Алжирѣ называется та часть государства, которая лежитъ за хребтомъ Атласскихъ горъ, въ тридцати-пяти или сорока миляхъ на югъ отъ береговъ Средиземнаго моря. Видъ алжирской степи нисколько не согласуется съ обыкновенными географическими описаніями африканскихъ пустынь. Вы не найдете тамъ ужасовъ и опасностей внутреннихъ странъ Африки. Это страна бездушная, иногда песчаная; но не совсѣмъ лишенная ра-

стительности. Тамъ встрѣтите множество ароматическихъ растений, которыя, не смотря на свой блѣдный, почти болѣзненный видъ, представляютъ превосходный кормъ для скота. Тамъ, гдѣ бьютъ ключи или протекаютъ небольшія рѣчки, увидите тростникъ, тамариндъ и даже клочки земли, засѣянные ячменемъ и тыквами. Впрочемъ, въ лѣтнюю пору, почти всѣ протоки высыхаютъ и вся растительность исчезаетъ, исключая немногихъ мѣстъ, которыя можно назвать совершенными оазисами. Естественно, вы не встрѣтите здѣсь постоянныхъ жителей; но въ концѣ осени, послѣ первыхъ дождей, сюда приходятъ кочевые Арабы и живутъ здѣсь около шести мѣсяцевъ, до наступленія сильныхъ жаровъ. Пользуясь благоприятнымъ временемъ, Арабы спѣшатъ засѣять ячменемъ небольшіе участки земли, — и тогда пустыня оживляется; вашъ взоръ отрадительно останавливается на полевыхъ работахъ. Но съ наступленіемъ лѣта, все исчезаетъ: поля застилаются пылью; Арабы, вмѣстѣ съ своими стадами, удаляются на сѣверъ, чтобы спастись отъ голодной смерти. Немногіе оазисы дѣлаются тогда предметомъ споровъ, которые рѣшаются оружіемъ.

Смотря на Сахару съ вершины Атласа, видишь безмѣрную равнину, на которую, мѣстами, тѣнь облаковъ бросаетъ широкія черныя пятна. Эта равнина развѣтывается безконечною скатертью на востокъ и на западъ; но на южной ея сторонѣ, въ пятнадцати или восемнадцати миляхъ отъ Атласа, горизонтъ окаймляется высокими горами, которыя, по своему прекрасному цвѣту, получили названіе *Синихъ Горъ*. По рассказамъ Арабовъ, за этими горами находятся еще другія цѣпи горъ, равно какъ оазисы, сады и небольшіе города. Послѣ этого, нѣсколько отвергаешь существованіе великой степи Сахары, которая, по сказанію географовъ, поглощаетъ всѣ внутреннія страны Африки. Съ каждымъ годомъ, безграничность этой степи уменьшается и прежніе ужасы, вдыхаемые представленіемъ ея грознаго величія, мало-по-малу исчезаютъ. Эти обширныя равнины, эти хребты горъ, нельзя назвать пустынею. Вездѣ встрѣчаются многочисленныя племена, которыя владѣютъ огромными стадами овецъ и верблюдовъ и множествомъ лошадей. Есть небольшія крѣпости, гдѣ живутъ кое-какіе ремесленники; есть даже довольно значительные города, изъ которыхъ каждый годъ приѣзжаютъ Арабы въ прибрежныя страны. Во многихъ мѣстахъ находятъ остатки римскаго владычества, простировавшагося нѣкогда на эти страны. Въ Тагинѣ, въ однихъ развалинахъ, отысканы медали съ изображеніемъ императора Фауста. Почти всѣ эти жалкія крѣпости до-сихъ-поръ сохраняютъ пыльное названіе *Кессаръ* — замокъ, цитадель, — какъ послѣднее воспоминаніе бывшаго величія. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Тулжилаха, находится довольно большой дѣсъ, гдѣ растутъ сосно-

выя и можжевеловыя деревья, изъ которыхъ Арабы добываютъ смолу.

Теперь извѣстно, что жители Сахары — кочевые Арабы. Они, подобно другимъ туземцамъ, раздѣляются на племена или поколѣнія. Но между Арабами, живущими въ странѣ обработанной или въ *теммъ*, и кочевыми, найдете разницу во многихъ чертахъ. Послѣдніе управляются своими шейками. Шейкъ долженъ быть человѣкъ храбрый и благородный; соединяя въ себѣ эти качества, онъ пользуется безпрекословнымъ повиновеніемъ своего племени; въ противномъ случаѣ, его власть слабѣетъ. Степные Арабы одарены пылкимъ воображеніемъ; впрочемъ, въ нихъ нѣтъ фанатизма и они не раздѣляются съ другими туземцами инстинктивного отвращенія отъ иностранцевъ. Всѣ они напитаны воинственнымъ духомъ и аристократическими идеями, и во всемъ Алжирѣ славятся подъ именемъ *Чистыхъ Арабовъ*. Алжирскія фамиліи, имѣющія притязаніе на благородное происхожденіе, непременно причитаются въ родню сахарскимъ Арабамъ. Отъ этого корня ведутъ свое начало Джуады и Дауады — военные дворяне.

Степные Арабы, и по врожденной склонности къ кочевой жизни и по необходимости, налагаемой на нихъ окружающею ихъ природою, непрестанно переходятъ съ одного мѣста на другое и каждый годъ совершаютъ путешествія на пространствахъ болѣе трехъ-сотъ миль. Рѣдко случается, чтобы Арабы зажились на одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ болѣе недѣли. Въ концѣ весны они направляютъ путь къ *теммъ*, изъ опасенія, чтобы не заочевать на цѣлое лѣто въ бесплодной пустынѣ. Они приходятъ сюда съ двойною цѣлю: чтобы сбыть свои товары и запастись хлѣбомъ; для мѣновой торговли, они, обыкновенно, привозятъ шерстяные бюрнусы, гапки, одѣяла, шерстяную матерію для палатокъ, также лица и перья строусовъ, газелей и финики; въ замѣнъ всего этого получаютъ оружіе, порохъ, калькутекую кисею, шелковыя ткани, желѣзный товаръ и, наконецъ, хлѣбъ. Послѣ жатвы, земледѣльческія племена отправляются къ границамъ *теммъ* и тамъ открываютъ свои рынки. Чтобы закупать товары на этихъ рынкахъ, кочевые Арабы должны испросить позволеніе у мѣстнаго начальства, которое получаетъ отъ нихъ, въ родѣ пошлины, овецъ, верблюдовъ или шерсть. Впрочемъ, начальство даетъ свое позволеніе только тѣмъ кочевымъ племенамъ, которыя находятся въ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ; въ противномъ случаѣ, доступъ на рынки запрещается. Это одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ сохранять миръ съ буйными степными племенами. Враждующему племени угрожаетъ неизбежный голодъ, потому-что торгъ хлѣбомъ запрещенъ мусульманскими законами; а каждое племя должно запасаться хлѣбомъ только для собственнаго продовольствія и никто не смѣетъ перепродавать другимъ изъ заупяленного запаса.

ЛОВЛЯ КИТОВЪ. — Главный предметъ китоловной промышленности составляетъ китъ, извѣстный подъ именемъ обыкновеннаго. Въ южныхъ моряхъ, отъ экватора до сорокъ-пятаго градуса широты, китъ этого рода бываетъ отъ сорока-пяти до семидесяти футовъ въ длину; но въ полярныхъ моряхъ онъ достигаетъ истинно гигантскихъ размѣровъ. Вопреки общепринятому мнѣнію, онъ одаренъ довольно соразмѣрными формами тѣла, исключая безобразной головы. Извѣстно, что китъ не имѣетъ зубовъ, въ собственномъ смыслѣ, но ихъ мѣсто занимаетъ роговое вещество, которое мы называемъ китовыми усами. Эти усы расположены въ видѣ черноватой перегородки, по ту и другую сторону огромной пасти; число ихъ вообще простирается до пяти-сотъ. Если положить каждый усъ, среднимъ числомъ, въ два фута вѣсомъ, то изъ этого единственнаго зубнаго снаряда промышленники за-разъ получаютъ тысячу фунтовъ. Кромѣ-того, китовый жиръ доставляетъ огромныя выгоды. Китъ даетъ иногда двѣсти-сорокъ боченковъ жира, и какъ каждый боченокъ обыкновенно стоитъ шестьдесятъ франковъ, то одно изъ этихъ животныхъ приноситъ четырнадцать тысячъ четыреста франковъ. Но въ 1839 году, въ Новой Зеландіи нагрузились этимъ товаромъ двѣсти кораблей; каждый корабль, среднимъ числомъ, могъ убить пятьдесятъ-пять китовъ; такимъ-образомъ, въ одномъ углу океана уничтожено одиннадцать-тысячъ китовъ.

Кромѣ обыкновенныхъ китовъ, есть еще киты другихъ породъ; но при всей громадной величинѣ, которая достигаетъ до ста-тридцати футовъ и болѣе, послѣдніе даютъ мало жиру, и ихъ усы не имѣютъ никакой цѣны. Ихъ бьютъ рѣдко, и то въ заливахъ, потому-что въ открытомъ морѣ нѣтъ никакой возможности достигнуть это чудовищное животное, которое въ одно мгновеніе переплываетъ болѣе полуверсты. Китоловы ограничиваются тѣмъ, что бросаютъ въ него нѣсколько пикъ, которыя вонзаются въ кита футовъ на пять въ глубину, и это, какъ говорятъ, для одного удовольствія пощекотать его кожу. Такъ-какъ китоловные промышленники почти никогда не беспокоятъ этихъ китовъ, то они въ безчисленномъ множествѣ встрѣчаются въ обоихъ полушаріяхъ и подъ всѣми широтами. Между-тѣмъ, порода обыкновенныхъ китовъ уменьшается болѣе и болѣе, такъ-что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, славившихся нѣкогда богатого китоловлю, не встрѣчаютъ ни одного изъ этихъ животныхъ.

Обыкновеннаго кита можно замѣтить съ корабля за двѣ и за три мили, потому-что изъ дыхательныхъ отверстій, расположенныхъ позади его головы, бьютъ два фонтана, болѣе тридцати футовъ въ вышину. Какъ-скоро вахтенный матросъ увидитъ эти фонтаны, корабль тотчасъ отправляется въ ту сторону, гдѣ отдыхаетъ китъ на морской поверхности, и останавливается на разсто-

янн одной мили отъ животнаго. Нѣсколько ботовъ пускается въ море, и съ перваго, который скорѣе всѣхъ приблизится къ киту, летитъ въ него мѣткая острога; послѣ этого, матросы тотчасъ готовятъ пики и желѣзныя лопатки. Послѣднее оружіе употребляется для того, чтобы перебѣть жилы китоваго хвоста. Ужасно взглянуть на этотъ утлый челнокъ, который увлекается, съ быстротою молніи, рапенымъ животнымъ, миль за пятнадцать и болѣе. Между-тѣмъ рыболовы, которыхъ, съ перваго взгляда, можно считать обреченными на гибель, поютъ веселыя пѣсни. Горе новичку, который въ первый разъ испытываетъ эту опасную ловлю: онъ умоляетъ перерѣзать веревку, которая прикрѣплена къ острогѣ, вонзившейся въ кита; товарищи хочутъ надъ его трусостию, а офицеръ, весь покрытый кровью, приказываетъ ему молчать и отливать воду, которая начинаетъ наполнять боть. Чудовище погружается въ морскія бездны и шпестъ тамъ своего спасенія, но матросы спускаютъ веревку и даютъ киту свободу разгуливать на какой угодно глубинѣ.

Китъ остается подъ водою отъ двадцати до тридцати минутъ. Въ это время приближаются другія лодки и располагаются вокругъ того мѣста, гдѣ, по предположеніямъ, долженъ показаться китъ. Настаетъ торжественная минута. Китъ всплываетъ на поверхность и, при крикахъ: ура! всѣ лодки идутъ къ нему на встрѣчу. Тогда завязывается страшная битва съ чудовищемъ. Часто, въ началѣ этого поединка, видите разбитыя лодки, переломанныя весла; нѣсколько моряковъ брошены на воздухъ и безобразными трупами погружены въ окровавленные волны. При каждомъ новомъ ударѣ, китъ опускается на нѣсколько футовъ въ глубину моря и тотчасъ показывается опять, выбрасывая изъ своихъ дыхательныхъ отверстій фонтанъ воды, смѣшанной съ кровью; подъ сильными ударами его хвоста съ ревомъ разбиваются вспѣнныя волны. Тогда каждый берегись ударовъ этого опахала, — какъ рыболовы, въ шуткахъ, называютъ хвостъ животнаго, имѣющій семь футовъ въ длину и двадцать-два фута въ ширину. Кто подвернется подъ него — прощайся съ жизнью; кого задѣнетъ онъ по головѣ — у того голова прочь; кому досталось по серединѣ тѣла, тотъ разлетѣлся на-двое; если онъ ударитъ пламмя по лодкѣ — экипажъ вычеркивается шесть человѣкъ изъ списка живыхъ. Наконецъ чудовище выбивается изъ силъ; лодки подвигаются къ нему ближе; кровь брызжетъ изъ него футовъ на двадцать въ вышину, и окровавленные матросы, съ радостными криками, доканчиваютъ убійство своей жертвы и безчисленными *браво* приветствуютъ ея послѣднее издыханіе.

СЧАСТЛИВАЯ АРАВІЯ. — Съ именемъ Аравія мы почти всегда соединяемъ понятіе о бесплодной пустынѣ, заселенной кочевыми народами. Правда, это общій харак-

теръ той страны; тамъ человекъ, покоряясь неизмѣннымъ свойствамъ окружающей его природы, съ самыхъ отдаленныхъ временъ до сихъ поръ, ведетъ бродячую, пастушескую жизнь; но съ участки аравійскихъ владѣній, которые не подходятъ подъ общее правило. Съ одной стороны, торговля сношенія съ сосѣдними народами, съ другой земледѣльческая жизнь давно заставили многихъ жителей Аравіи завести постоянныя поселенія. Потому, на берегахъ пограничныхъ морей и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ внутреннія земли орошаются тропическими дождями, встрѣчается множество городовъ и деревень. Арабы, которые ведутъ осѣдлую жизнь, отличаются отъ прочихъ своихъ земляковъ кроткими нравами и нѣкоторою степенью образованности. Эти черты особенно замѣтны въ жителяхъ Емена, южной аравійской области.

Еманъ, по качеству своей почвы, раздѣляется на двѣ различныя области. Одна изъ нихъ представляетъ обширную песчаную равнину, — это Тегамъ; другая область гористая, уфянная то плодородными, то неплодородными землями. Тегамъ съ западной стороны омывается водами Краснаго моря и граничитъ къ сѣверу съ Геджагомъ, къ югу съ землями независимаго племени Субейговъ, а къ востоку съ гористою областію. Какъ на берегахъ моря, такъ и во внутреннихъ странахъ Тегамы разсѣяно много деревень и городовъ. Въ деревняхъ найдете отъ десяти до двухъ-сотъ-пятидесяти хижинъ, которыя построены изъ древесныхъ вѣтвей и покрыты соломомъ. Но въ городахъ вообще много каменныхъ зданій. Приморскій городъ, *Годейда*, имѣетъ много красивыхъ домовъ, построенныхъ изъ кирпича. Всѣ эти дома выбѣлены известкою; ихъ плоскія крыши образуютъ террасы, окруженныя балюстрадаю; окна всегда закрыты деревянными рѣшетками, украшенными затѣйливою рѣзной работою. Улицы довольно чисты, но, къ несчастію, на нихъ часто являються толпы нищихъ, покрытыхъ заразительными ранами; эти бѣдняки иногда умоляютъ передъ глазами прохожихъ, нисколько не возбуждая къ себѣ жалости. Въ этомъ городѣ живутъ Иудеи, Армяне, Боніаны и Сомалисы. Главные негодіанты всѣ уроженцы Гадрамана. Годейда славится своими торговыми оборотами. Индійскіе и персидскіе корабли нагружаются здѣсь кофе, гумми, ладаномъ, слоновою костью и проч.

Одинъ изъ важнѣйшихъ внутреннихъ городовъ Тегамы — это *Зебидъ*, древняя столица страны. Зебидъ окруженъ каменными стѣнами и башнями. Въ немъ считается до тысячи каменныхъ домовъ и триста мечетей. Это одинъ изъ мануфактурныхъ городовъ Тегамы; здѣсь были нѣкогда знаменитыя школы и богатая библіотека, но онѣ не существуютъ болѣе. Двѣ тысячи семь-сотъ солдатъ составляютъ гарнизонъ Зебиды.

Равно замѣчательнъ торговый городъ — *Гессъ*, лежащій на пути изъ Зебиды въ Моку. Въ немъ пять-сотъ

каменныхъ домовъ, двадцать-одна мечеть и двадцать караванъ-сераевъ. Одна мечеть построена за восемь-сотъ лѣтъ до нашего времени. Четыреугольный замокъ шерифа, обведенный круглыми башнями, тоже относится къ первымъ временамъ исламизма.

Песчаная степь Тегамы развѣтривается почти до самыхъ горъ. Но близъ горъ встрѣчаются финиковыя сады и пальмовыя рощи, которыми окружены города и деревни; обработанныя поля живописно возвышаются уступами по гористому склону и перерѣзываются каналами. Эти каналы наполняются водою во время дождей, которые, обыкновенно, падаютъ здѣсь въ Апрель, Іюль, Августъ и Сентябрь.

Правитель Тегамы, Гуссейнъ-бенъ-Могаммедъ-бенъ-Али Эль-Гандаръ, живетъ въ городѣ Абу-Аршиъ, гдѣ есть цитадель и гарнизонъ. Важныя правительственныя должности онъ поручилъ своимъ братьямъ или родственникамъ и образовалъ армію, чтобы лучше утвердить свою власть. Гуссейнъ сохраняетъ миръ со всѣми сосѣдними племенами.

Гористая область Емена простирается, съ сѣвера на югъ, отъ Геджаза до Аденскаго залива и примыкаетъ съ восточной стороны къ Аравійской степи. Въ этой области находится иманатъ *Сана* и живутъ многія независимыя племена. *Сана* или *Саана*, резиденція имановъ, лежитъ на скатѣ горы. Этотъ древній и обширный городъ славится во всемъ Еменѣ красивыми зданіями и важною мануфактурною промышленностію. Онъ окруженъ стѣнами, на которыхъ поставлены тридцать минаретовъ. Нынѣ царствующій иманъ, Эль-Магади, живетъ въ своемъ замкѣ, который окруженъ каменными стѣнами и башнями. Въ башняхъ помѣщается гарнизонъ изъ пяти-сотъ солдатъ. Въ Санѣ считается болѣе четырехъ-этажныхъ, окруженныхъ башнями, домовъ, тридцать мечетей и болѣе ста караванъ-сераевъ. Главная мечеть освѣщается тремя-стами-пятидесятью лампами и устлана персидскими коврами; ея минаретъ имѣетъ сто-двадцать футовъ въ вышину. Въ городѣ устроено пять-сотъ систернъ (волохранящихъ), въ которыя проведена вода посредствомъ кирпичныхъ водопроводовъ.

Владѣнія Эль-Магади ограничиваются только окрестными землями, около пятидесяти миль въ окружности. Всѣ другія племена, живущія на границахъ иманата, управляются собственными начальниками и имѣютъ довольно значительные города, крѣпости и безчисленныя деревни. Кромѣ осѣдлыхъ племенъ, въ горахъ Емена живутъ Бедуины, которые ведутъ кочевую жизнь.

Гористая часть Емена, болѣею частію, представляетъ плодородныя страны. Тамъ растутъ плодовые деревья, какъ европейскія, такъ и тропическія; поля засѣваются рожью, маисомъ, овсомъ, хлопчатомъ бумагомъ, дынями, арбузами и проч. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видѣются лишь обнаженные скалы безъ малѣйшихъ слѣдовъ растительности.

АФРИКАНСКІЕ КОЛДУНЫ. — Всѣ почти племена, обитающія въ южной Африкѣ, вѣрятъ, что атмосферныя явленія находятся въ полномъ распоряженіи колдуновъ, которые, по своему произволу, могутъ производить дождливую или ясную погоду. Эти привилегированные поставщики дождя пользуются уваженіемъ народа; но, во время засухи, они часто приходятъ въ самое затруднительное положеніе; при всѣхъ своихъ хитростяхъ и изворотливыхъ выдумкахъ, они подвергаются неминуемой смерти, если, вопреки желанію народа, сухая погода продолжается слишкомъ долго. Подобное несчастіе едва-было не постигло одного славнаго колдуна, въ бытность Моф-фата, протестантскаго миссіонера, на берегахъ Курумана.

Были страшныя засухи; небо казалось раскаленнымъ; земля какъ-будто превратилась въ камень. Племенамъ, обитающимъ на берегахъ Курумана, угрожалъ голодъ. Собрали совѣтъ и рѣшили пригласить къ себѣ одного знаменитаго колдуна, который жилъ за двѣсти миль отсюда. Молва о могуществѣ этого колдуна наполнила всю южную Африку. Бечуаны отправили къ нему посольство, съ самыми лестными обѣщаніями за услуги. Колдунъ сначала отказывался, но послы расточали свои обѣщанія, и колдунъ явился къ Бечуанамъ, въ слѣдъ за послами. Все племя, даже старики, дѣти и женщины, вышли къ нему на встрѣчу. По странному случаю, въ ту минуту, какъ давно ожидаемый посѣтитель сталъ подниматься на гору, на которой расположенъ городъ, вдругъ показались на небѣ легкія облака. По мѣрѣ того, какъ колдунъ приближался къ городу, облака становились гуще и мрачнѣе; скоро засверкала молнія, загрохоталъ громъ, и крупныя капли дождя освѣжили знойную атмосферу. Можно представить себѣ восторгъ толпы и торжество колдуна. Могущественный волшебникъ почувствовалъ свое достоинство и объявилъ, что въ этотъ годъ женщины не будутъ работать въ долинахъ, потому-что ихъ залиють дожди. Этотъ человекъ былъ одаренъ природною сметливостію и умѣлъ пользоваться легковѣріемъ народа. Слава его возрастала со дня на день тѣмъ болѣе, что онъ расточалъ пышныя обѣщанія. Чтобы поддерживать свою роль, онъ со вниманіемъ слѣдилъ за всѣми атмосферическими переизмѣненіями, которыя могли оправдать его предсказанія.

Торжество колдуна все еще ограничивалось первымъ днемъ; народъ ропталъ, и колдунъ оправдывался тѣмъ, что въ этой странѣ гораздо труднѣе управлять съ облаками, чѣмъ въ его отечествѣ. Потомъ, онъ сталъ обвинять жителей въ неблагодарности. Вы, говорилъ онъ, дарите мнѣ только овецъ и свиней, и я могу дать вамъ только дождь для свиней; пришлите мнѣ быковъ, и я пошлю дождь для быковъ. Черезъ нѣсколько дней, въ то время, какъ колдунъ предавался сладкому сну, вдругъ пошелъ проливной дождь; одинъ изъ начальниковъ племени пришелъ въ его хижину, чтобы принести свое по-

здравленіе съ счастливою переизмѣною погоды. «Клянусь, сказалъ изумленный начальникъ, разбудивъ колдуна: я думалъ, что ты послалъ этотъ дождь.» Магъ тотчасъ нашелся какъ вывернуться, и, вмѣсто отвѣта, указавъ на свою жену, которая, въ углу хижины, пахтала масло. «Раавъ не видишь, прибавилъ онъ хладнокровно: что моя жена пахтаетъ дождь изъ всей силы?» Эти слова вполне удовлетворили начальника; новость разнеслась по всему племени, и волшебникъ приобрѣлъ новую славу.

Впрочемъ, жители не долго наслаждались благотворнымъ вліаніемъ дождя: палящія лучи солнца изсушили землю; прошло нѣсколько недѣль, и ни одно облачко не показывалось на горизонтѣ. Потомъ тучи заволокли небо; молнія бороздила облака, громъ гремѣлъ, но не упало ни капли дождя. Это было ужасное несчастіе. Поля были обожжены солнцемъ; сѣмена пропали; стада гибли отъ недостатка корма; люди, словно скелеты, бродили по полямъ, рыли корни и ловили пресмыкающихся. Чтобы поддержать свое достоинство, колдунъ каждый день выдумывалъ какіе-нибудь странныя обряды или прибѣгалъ къ какой-нибудь уловкѣ. Онъ потребовалъ, чтобы ему доставили павіана, безъ всякихъ недостатковъ. Бечуаны послали самыхъ искусныхъ охотниковъ, чтобы поймать лучшую обезьяну этой породы. Послѣ трудныхъ поисковъ, наконецъ охотники поймали молодого павіана и представили свою добычу волшебнику. Колдунъ внимательно осматрѣлъ это животное и съ глубокою горестію обратился къ охотникамъ. «Смотрите! сказалъ онъ: на этомъ ухѣ есть парашина, въ хвостѣ не достаетъ нѣсколькихъ волосъ. Надо поймать другаго павіана.» Нашли и другаго; но колдунъ опять открылъ какіе-то недостатки. За неимѣніемъ идеальнаго павіана, потребовалъ онъ, чтобы ему принесли сердце льва. Задача была довольно трудная; но жители не отказались отъ нея. Въ сосѣдствѣ бродилъ какой-то левъ; охотники тотчасъ отправились на опасную ловлю, и черезъ нѣсколько времени принесли львиное сердце. Тогда колдунъ отправился на вершину горы, поднялъ руки къ небу, умоляя облака, чтобы они спустились на землю, и размахивая своимъ жезломъ, грозилъ имъ своимъ гнѣвомъ, если они не исполнятъ его просьбы. Народъ, присутствовавшій при этомъ зрѣлищѣ, съ минуты-на-минуту ожидалъ дождя; но небо было чисто; ни одно облачко не показывалось ни съ которой стороны.

Колдунъ нѣсколько недѣль переходилъ отъ одной выдумки къ другой. Но удачи не было; народъ началъ роптать. Въ это несчастное время, колдунъ, въ совершенномъ уныніи, пришелъ къ миссіонеру и признался въ безсиліи своего искусства. — Что мнѣ теперь слѣдуетъ? спросилъ онъ. — Признаться, отвѣчалъ миссіонеръ. — Но, въ такомъ случаѣ, меня убьютъ, съ отчаяніемъ произнесъ волшебникъ, и удался. Дѣйствительно, начальники племени, раздраженные его обманомъ,

собрали тайный совѣтъ, и смертный приговоръ былъ произнесенъ. Эта новость какъ-то дошла до Мофата, и онъ рѣшился спасти несчастнаго отъ смерти. По ходатайству миссіонера, начальники отмѣнили смертную казнь и ограничились тѣмъ, что выгнали знаменитаго колдуна изъ своихъ владѣній. Благодаря счастливому случаю, этотъ бѣднякъ лешево поплатился за свое ремесло; но вообще эти колдуны оканчиваютъ свое поприще насильственной смертію.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ ЛЮДЕЙ, У ДРЕВНИХЪ МЕКСИКАНЦЕВЪ. Одно изъ важнѣйшихъ религіозныхъ торжествъ, совершавшихся у древнихъ Мексиканцевъ, было жертвоприношеніе въ честь бога *Тескатлепока*, которому поклонялись подъ видомъ прекраснаго юноши, одареннаго вѣчною молодостію. За годъ до этого жертвоприношенія, жрецы выбирали изъ военнопленныхъ красиваго, стройнаго мужчину, который долженъ былъ представлять собою божество. Его одѣвали въ великолѣпное платье, окуривали благовоніями и осыпали душистыми цвѣтами. Если онъ выходилъ когда-нибудь изъ своего новаго жилища, его сопровождали королевскіе пажи, и народъ повергался предъ нимъ на землю. Прелестныя дѣвушки, подъ именами главныхъ богинь, дѣлали съ нимъ пріятное время.

Наконецъ наступалъ роковой день. Плѣнникъ снималъ съ себя роскошное платье и разставался съ прелестными собесѣдницами. Королевская лодка перевозила его въ одинъ храмъ, стоявшій на берегу моря, куда толпами стекались городскіе жители, чтобы присутствовать при торжественномъ обрядѣ. Тогда какъ печальное шествіе всходило на ступени пирамиды, плѣнникъ обращалъ съ себя цвѣточные вѣнки и разбивалъ музыкальные инструменты, которые услаждали его во время плѣнничества. На вершинѣ пирамиды, его встрѣчали шесть жрецовъ, съ длинными, небрежно разбросанными волосами, въ черныхъ, испещренныхъ таинственными фигурами одеждахъ. Эти жрецы подводили плѣнника къ жертвеннику и одинъ изъ нихъ, одѣтый, для означенія своего кроваваго ремесла, въ красную мантію, разрывалъ острымъ ножомъ грудь несчастнаго и вынималъ изъ него еще трепещущее сердце. Это сердце сначала поднимали вверхъ, обращаясь къ солнцу, какъ высшему существу, а потомъ оставляли его у ногъ божества, которому былъ посвященъ храмъ; народъ, толпившійся у подножія пирамиды, въ эту минуту упалъ на землю. Печальная участь плѣнника, по объясненію жрецовъ, была символомъ человѣческой жизни, въ которой счастливые дни часто смѣняются днями горести и страданія.

Не одни мужчины подвергались этой горестной участи; но иногда и женщины приносились въ жертву мексиканскимъ богамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно во время засухи, та же судьба постигала и дѣтей,

преимущественно грудныхъ, которыхъ до совершенія кроваваго обряда, обыкновенно одѣвали въ блестящія платья, убирали свѣжими весенними цвѣтами и носили по улицамъ, въ открытыхъ носилкахъ, при дикомъ пѣніи жрецовъ. Жрецы покупали эти невинныя жертвы у бѣдныхъ родителей, въ которыхъ голосъ сердца былъ заглушаемъ, быть-можетъ, не столько бѣдностію, сколько фанатизмомъ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ. — При обзорѣ заграничной драматической литературы, мы приняли за правило знакомить нашихъ читателей только съ тѣми пьесами, которые имѣли успѣхъ на сценѣ и заслужили вниманіе образованной публики, въ какомъ-нибудь отношеніи. Что касается до вѣчныхъ произведеній иностранныхъ драматурговъ, мы предоставляемъ ихъ заслуженному забвенію; мы не хотимъ обременять нашихъ читателей этими скучными извѣстіями, тѣмъ болѣе, что наша собственная литература не бѣдна умственными издѣліями, наполненными всевозможнаго остроумія.

Вотъ замѣчательныя пьесы, явившіяся, въ послѣднее время, на сценѣ парижскихъ театровъ.

Тогда-какъ въ театрѣ *Большой-Оперы* зрители восхищались *Донъ-Себастьяномъ Португальскимъ*, госпожа *Сериба*, — на сценѣ *Комической Оперы* публика съ удовольствіемъ приняла пьесу господина *Сенъ-Жоржа*, *L'Esclave de Camoens*, *Невольница Камоенса*. — *Лудовикъ Камоенсъ* одинъ изъ тѣхъ людей, на долю которыхъ достаются, въ этой жизни, только страданія и несчастія. Португальскій поэтъ служилъ своему отечеству перомъ и шпагою. На сраженіи подъ Севтою, пуля лишила его праваго глаза, и раненный поэтъ долженъ былъ оставить военное поприще и возвратиться въ Португалію. Но не получивъ никакого вознагражденія за свои военные подвиги, онъ простился съ родиною и, въ 1533 году, отправился въ Индію, гдѣ и написалъ свою *Лузиду*. Черезъ тринадцать лѣтъ, онъ снова возвратился въ Лиссабонъ, и благодаря милостямъ короля *донъ-Себастьяна*, нѣсколько времени наслаждался спокойною, безбѣдною жизнью. Но съ смертію короля, который палъ на полѣ битвы подъ Марокко, въ 1578 году, угаса послѣдняя надежда *Камоенса*. Поэтъ дожилъ до такой крайности, что невольница, привезенная имъ изъ Индіи, должна была собирать милостину, чтобы прокормить своего господина. Этотъ послѣдній эпизодъ изъ жизни поэта, который окончилъ свои дни въ богатырѣ, послужилъ кавкою для либретто господина *Сенъ-Жоржа*. *Гризельда*, невольница *Камоенса*, каждый вечеръ является на лиссабонскихъ площадяхъ и распѣваетъ стихи своего хозяина. *Донъ-Себастьянъ*, искатель ночныхъ приключеній, встрѣчаетъ эту пѣвицу, плѣняется ея голосомъ и красотою и

открываетъ ей свое намѣреніе — выкупить ее изъ неволи. *Гризельда* съ трепетомъ произноситъ имя своего господина, потому-что *Камоенсъ* осужденъ на изгнаніе. *Донъ-Себастьянъ*, сверхъ всякаго ожиданія, удостоиваетъ поэта своего покровительства. — Музыка, сочиненная для этой пьесы господиномъ *Флото* (*Flottow*), отличается разнообразіемъ, оригинальнію и мелодію.

Въ театрѣ *Одеонъ*, сильный эффектъ произвела пьеса — *Андрей Шенье*, трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, господина *Дальера* (*Daillière*). Господинъ *Дальеръ* избралъ для своей трагедіи извѣстный эпизодъ изъ жизни *Шенье*. *Шенье*, заключенный въ тюрьму, встрѣтилъ тамъ дѣвицу *де-Коаньи*. Несчастливая судьба сблизила ихъ другъ съ другомъ, и молодой поэтъ услаждалъ горестныя часы заключенія прекрасными стихами, въ которыхъ изливалъ свои чувства, вдохнутыя страданіями юной заключенницы. Господинъ *Шенье*, отецъ, хотѣлъ спасти своего сына и явился къ *Робеспьеру*, чтобы своими слезами и мольбами тронуть его жестокое сердце. Но это ходатайство только ускорило гибель *Шенье*. *Девятого Термидора*, голова поэта скатилась на ступени эшафота. Въ трагедіи господина *Дальера*, роль *Шенье* написана съ поэтическимъ одушевленіемъ; его грусть, его отчаяніе при разлукѣ съ молодою дѣвушкою, исполнены неподдѣльнаго чувства. Послѣ этого поэтического лица, удачно обрисованъ характеръ *Гоша*, доблаго, нѣзкаго солдата, который энергически раскрываетъ черную сторону правленія *Робеспьера*. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ трогательная роль дѣвицы *де-Коаньи*, этой молодой, прекрасной плѣнницы, которая въ часы дружеской бесѣды съ молодымъ поэтомъ, забываетъ всѣ опасности и забываеъ весь ужасъ своей тюремной жизни только тогда, какъ лишается своего единственнаго друга. Довольно сказать, что эта пьеса принята съ единодушными рукоплесканіями, и что зрители не могли удержаться отъ слезъ.

На театрѣ *Gymnase*, блестящій успѣхъ имѣла пьеса — *L'Italian et le Bas-Breton*, *Итальянецъ и Нижне-Бретанецъ*, комедія-водевиль, въ одномъ дѣйствіи, господина *Арманъ - Дюранте* (*Armand - Durantin*). — *Керкадекъ*, ниже-бретанскій дворянинъ, ужъ съ мѣсяцъ живетъ въ *Юзѣ*, у негодянта *Бонпара*. Негодянтъ принялъ его какъ учителя итальянскаго языка, которымъ занимается его дочь *Анна*. Между-тѣмъ этотъ учитель не знаетъ почти ни слова по-итальянски; но чтобы поддержать свою роль, которую внушила ему сердечная привязанность къ хорошенькой дочкѣ *Бонпара*, онъ преподаетъ своей ученицѣ... языкъ ниже-бретанскій. Все шло какъ нельзя лучше. Но вдругъ *Бонпаръ* объявляетъ молодымъ людямъ, что его племянникъ, *Францискъ*, путешествовавшій шесть мѣсяцевъ по Итали, возвратился домой, и что, вмѣстѣ съ нимъ, пріѣхалъ синьоръ *Бонифачіо*, изъ Ливорно. Въ самомъ дѣлѣ, *Францискъ* является въ домъ своего дядюшки; но этотъ повѣса, во-

преки желанію негодянта, женился въ *Шамбери* и ни разу не заглядывалъ въ Италию. Между-тѣмъ, онъ узнаеъ, что его кузина говоритъ по-итальянски и что въ домѣ *Бонпара* живетъ учитель итальянскаго языка. Это извѣстіе приводитъ его въ ужасъ. Тутъ завязывается самая комическая сцена: *Францискъ* и *Керкадекъ* сходятся другъ съ другомъ, и чтобы прикрыть свое незнаніе, поочередно бросаютъ итальянскія фразы и, не понимая одинъ другаго, ведутъ самый забавный разговоръ. Наконецъ, они признаются другъ другу въ истинѣ и заключаютъ дружескій союзъ противъ общаго врага, синьора *Бонифачіо*. Является *Бонифачіо*. *Анна* заводитъ съ нимъ разговоръ по-итальянски, изъ котораго *Итальянецъ* не понимаетъ ни слова. *Бонифачіо*, въ свою очередь, начинаетъ говорить и, въ свою очередь, *Анна* не понимаетъ ни слова, и объявляетъ отцу, что *Бонифачіо* говоритъ не по-итальянски. *Бонпаръ* приглашаетъ *Керкадека*. *Керкадекъ*, со всю важностію учителя, начинаетъ говорить по-ниже-бретански. Бѣдный *Бонифачіо*, отъ-роду неслыхавшій этого языка, не знаетъ, что ему дѣлать. Приходитъ *Францискъ* и рѣшительно объявляетъ, что *Бонифачіо* говоритъ вовсе не по-итальянски, и, къ досадѣ послѣдняго, его признаютъ за шарлатана и выталкиваютъ за дверь. Наконецъ все объясняется, и *Керкадекъ* получаетъ руку *Анны*. *Францискъ* мирится съ своимъ дядюшкою, и *Бонифачіо* даетъ жителямъ *Юзѣ* уроки въ итальянскомъ языкѣ.

Театръ *Водевиль*, кажется, снова увидѣлъ счастливые дни своего торжества. Двѣ пьесы, поставленныя на его сценѣ въ послѣднее время, исполнены оригинальныхъ забавныхъ сценъ.

L'Homme blasé, *Разочарованный человекъ*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, господъ *Дювера* (*Duvert*) и *Лозанна* (*Lauzanne*). Въ этомъ водевилѣ самое забавное, самое комическое созданіе — *Нантулье*. *Нантулье* давно уже не улыбается, не ѣсть не пьетъ и спитъ только однимъ глазомъ. Онъ ищетъ развлеченія и дѣлаетъ кучу глупостей, запутывается въ различныхъ приключеніяхъ. Между-тѣмъ, веселость, аппетитъ и сонъ не возвращаются къ нему. Страшный приракъ *Ревенара*, слесаря, который погибъ подъ его ударами, увеличиваетъ его страхъ и угрызненія совѣсти. Это потрясеніе едва не свело въ гробъ бѣднаго *Нантулье*, и вдругъ онъ узнаеъ, что его жертва наслаждается вожадѣннымъ здоровьемъ.

Une idée de Médecin, *Идея доктора*, комедія-водевиль, въ одномъ дѣйствіи, господъ *Армана* (*Armand*) и *Теодора Дартоа* (*Dartois*). *Эдуардъ* и *Леонія* уже сговорены; назначенъ и день ихъ свадьбы. Въ ожиданіи этого счастливаго дня, *Эдуардъ* отправляется не надолго въ Парижъ. Столичная жизнь вскружила голову молодого человека, и онъ забылъ и день свадьбы, и хорошенькую невесту, и богатое приданое, и всѣ мечты о семейномъ счастьи. *Леонія* навѣрное осталась бы безутѣшною невестою, если бы ея брату, доктору, не пришла счаст-

ливая идея. Онъ пишетъ къ Эдуарду, что Леонія умерла. Молодой человекъ тотчасъ возвращается, чтобы пролить слезы на могилѣ своей оставленной невесты. Между-тѣмъ, онъ скоро узнаетъ продѣлки доктора и обращаетъ противъ него собственное его оружіе. Минимал покойница завѣщала Эдуарду забыть ее и наслаждаться счастливою жизнію. Чтобы исполнить послѣднюю волю Леоніи, онъ предается всѣмъ развлечениямъ и отбивается у доктора невесту, молоденькую и хорошенькую вдовушку. Докторъ приходитъ въ отчаяніе отъ несчастнаго оборота своей идеи; но Эдуардъ, считая себя вполне отмщеннымъ, возвращаетъ ему вдовушку, а самъ упадаетъ къ ногамъ Леоніи.

Театръ *Портъ-Сенъ-Мартенъ* поддержалъ свою славу пьесю господъ Коньяра и Теодора Мюре (*Muret*) *Маркизскіе Острова*, обоарѣніе 1843 года, въ двухъ дѣйствіяхъ. Господинъ Пуфъ, которому не удается болѣе надуть земляковъ и котораго прижимаютъ безотвязные кредиторы, рѣшился отправиться на Маркизскіе острова, гдѣ его могущественный талантъ еще не извѣ-

стенъ дикарямъ. Завязавъ въ узелъ всѣ свои пожитки, господинъ Пуфъ, вмѣстѣ съ неизмѣннымъ своимъ другомъ, садится на воздушную лодку новѣйшаго изобрѣтенія, и залетѣвъ подъ облака, показываетъ носъ своимъ кредиторамъ, которые, на землѣ, дѣлаютъ между собою оставшееся имѣніе своего должника: столъ и два стула. Достигнувъ до Маркизскихъ Острововъ, господинъ Пуфъ въ одну минуту дѣлается любимцемъ знаменитаго короля Тотете, вводитъ въ его государство всѣ нравы и обыкновенія европейскіхъ странъ, одѣваетъ дикарей въ модные костюмы, набираетъ національную гвардію и прочее. Наконецъ, онъ представляетъ королю образчикъ всѣхъ драматическихъ произведеній, которыя родились и умерли въ продолженіе 1843 года. Послѣдняя критика такъ понравилась зрителямъ, что потребовали повторенія всѣхъ сценъ, въ которыхъ парижскіе театры были представлены въ каррикатуриномъ видѣ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ книжномъ магазинѣ К. А. Полеваго, на Невскомъ-проспектѣ, противъ городской думы, въ домѣ Рогова, продаются слѣдующія книги:

АРИМЕТИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

для дѣтвицъ. Состав. Ф. Б. Огдаль 1-й. Санкт-петербургъ, 1845 г. Ц. 50 к. сер.; въсов. за 1 ф.

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА,

въ девяти книгахъ. Санктпетербургъ, 1845 г. Ц. 1 р. 50 к. сер.; въсовыхъ за 2 ф.

ВИРГИЛІЕВА ЭНЕИДА,

на Малороссійскій языкъ переложенная *Котляревскимъ*. Въ 6-ти ч. Харьковъ. Ц. 5 р., на велевой бум. 5 р. 50 к. сер.; въсов. за 2 ф.

ДРУГЪ ДѢТЕЙ.

ЗАПИСКИ ПЕТРА ИВАНОВИЧА, собран. и украсен. 100 картин. П. *Фурмановъ*. Санктпетербургъ. 1845 г. Ц. 1 р. 50 к. сер.; въсовыхъ за 1 ф.

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ ВЪ КИТАѢ,

съ 72 чертеж. разныхъ земледѣльч. орудій. Санктпетербургъ. 1844 г. 20 к. сер.; въсовыхъ за 1 ф.

ИСТОРИЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Соч. Н. А. Полеваго.

4 тома. Санктпетербургъ. 1843 г. Ц. 5 р. с.; въсовыхъ за 6 ф.

ГАЛЕРЕЯ ЖЕНЩИЦЪ

ЖОРЖЪ-ЗАНДА,

украшенная 24-мя отлично-гравирован. на стали портрет. 24 терраин. 1845 г. Ц. 10 р. въсов. за 5 фун.

НАЛЬ

И

ДАМАЯНТИ,

Индійская повѣсть В. А. *Жуковскаго*, съ рисунками. Ц. на лучш. велев. бум. 4 р. с.; въсовыхъ за 2 ф.

СУВОРОВЪ.

Соч. Ф. В. Булгарина,

съ рисунками Тпма. 2 ч. Санктпетербургъ. 1843 г. Ц. 4 р. сер.; въсов. за 2 ф.

ОПИСАНІЕ КРУШЕНІЯ

РОССІЙСКАГО 74-ХЪ-ПУЩЕЧНАГО КОРАБЛЯ

ИНГЕРМАНЛАНДЪ,

случившагося 30-го Августа 1842 г., въ Скагеррактѣ, у норвежскихъ береговъ, близъ мыса Оксъ-Э. съ четырьмя литограф. картин., изображающими четыре момента крушенія корабля. Санктпетербургъ, 1844 г. Ц. безъ картин. 1 р., съ черными картин. 5 р., съ раскрашен. картинк. 10 р. сер.; въс. за 2 ф.

КЛИНИЧЕСКАЯ КАРМАННАЯ

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ,

содержащая въ себѣ описаніе внутреннихъ болѣзней, составленная Д-мъ М. Франкомъ. Москва. 1845 г. Ц. 2 р. сер.; въс. за 2 ф.

ПОКРОВЪ

ПРЕСВЯТЫЯ ДѢВЫ

БОГОРОДИЦЫ

НАДЪ РОССІЕЮ,

сказаніе о святыхъ чудотворныхъ иконахъ Божіей Матери. Москва. 1845 г. Ц. 1 р. 50 к. сер.; въсов. за 1 ф.

Этот журнал выходит четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полугодіа, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургѣ на Невскомъ-Проспектѣ, въ домѣ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверскомъ, въ до-мѣ Матлевой. Разные адресуются въ Газетную Экспедицію Свѣтлоте-Почтамта.

№ 2. МАРТЪ 1844.

А. 139.

36 СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Обзоръ заграничныхъ извѣстій съ 1 января по 1 марта. (Продолженіе.) *Русская Словесность.* Кликкуша, повесть соч. Н. Кукольника. (Продолженіе.) *Русская Исторія.* Воспоминанія о Графѣ Сперанскомъ, соч. К. Масальскаго, (Продолженіе.) *Науки и Художества.* Завоеваніе Мексики, извлеченіе изъ новаго англійскаго сочиненія Прискотта. *Критика.* Наль и Дамалити, индійская повесть, соч. В. Жуковскаго. — Барона Розена. — *Сильс.* Версаль. — Ирландскіе репидеры. — Замокъ солнцеклошника. — Пересыхающее озеро. — Ручей, вытекающій изъ моря. При этомъ номерѣ приложены три рисунка, изображающіе Версальскій садъ и примѣчательнѣйшіе изъ тамошнихъ фонтановъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.